

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клуб "Юнион"
состоится
АНОНСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО ОДИНЪ КОНЦЕРТЪВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ въ страши

Марин Ивановны Долиной

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (82).

Ноябрь. 2012 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Градоразрушители

Мы знаем поименно замечательных градостроителей, создавших Одессу: от Франца де Волана, Франца Фраполли, Франческо Боффо до Федора Нестурха, Юрия Дмитренко, Льва Влодека...

Мы не знаем поименно градоразрушителей, но они живут рядом с нами, работают себе во благо, а не на благо нашему городу.

Общественный резонанс вызвало строительство в Воронцовском переулке, рядом с "домом-стеной", как называют это здание в Одессе.

Да, подобные дома есть в Европе. Да, это не памятник архитектуры, не Оперный театр, не Потемкинская лестница. Но это любимый горожанами "туристический объект", куда водят не столько иностранных туристов, сколько своих добрых знакомых, приехавших в Одессу. И боязнь, что визуальный эффект от встречи с этим неординарным зданием может исчезнуть, сплотила наших сограждан. И это вселяет Надежду!

Существует управление охраны объектов культурного наследия обладминистрации. Но не существует управления охраны Города как культурной, исторической ценности и целостности.

Пройдитесь по центру Одессы. Неужели вы не видите, что за Оперным театром растет "хмарочёс", поднятый теми, кто заинтересован только в "чесе", уже выше театра. Подойдите на Екатерининскую площадь — та же картина: памятник первостроителям Одессы будет смотреться, вернее — не смотреться, на фоне очередного многоэтажного монстра.

Есть в нашем городе управление главного архитектора. Есть градостроительный совет. А, быть может, их нет? Иногда мне кажется, что кто-то умело отвлекает общественное мнение на "локальные проблемы". Будь то Трасса здоровья, при всей ее важности, или сохранность парковой зоны в Лузановке, вновь-таки при всей ее важности и этого вопроса.

Но при этом надстраиваются мансардами Приморский бульвар, более того, там планируют (якобы внутри двора) воздвигнуть очередное многоэтажное чудовище...

Уже давно стало ясно, что с такими новшествами центр Одессы никогда не попадет ни в какие объекты ЮНЕСКО. Так что же, молча наблюдать, как калечат наш любимый город? Не пора ли 2 сентября объявить не только днем рождения Одессы, но и днем защиты Одессы от градоразрушителей?

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Фото Евгения ВОЛОКИНА

Из Америки об Илье Беккермане — в Одессу Евгению Толубовскому

Скучая по Одессе
Есть в Нью-Йорке книжный магазин
"Strand": 18 миль книг, новых и старых, цен
ны умеренные. Магазин удобно расположен на
Бродвее, в нижней его части, близко от оста
новки сабвея. В магазине есть отдел книг на
иностранных языках, в том числе — на рус
ском.

Однажды я купил книгу Вениамина Ник
улина "Записки театрального директора",
изданную в Нью-Йорке в 1942 году. Вениамин
Никуллин — отец писателя Льва Никуллина,
запомнившегося читателю не своими ранними
стихами, не детективами, а романом "Рос
сия верные сыны".

Оказывается, известный писатель "имел
родственников за границей", по крайней ме
ре, его отец жил в Америке.

Судьба подарила нам возможность прикос
нуться к творчеству одаренных и увлеченных
людей, работающих, вернее — творящих,
в Клубе. Спасибо вам огромное, удачи и про
цветания!

Есть предложение: выпустить сувениры
с символикой Клуба. Было бы приятно иметь
на память.

Гости из Николаева — Ярченко Алла и На
талья.

Гостья из Москвы — Галина.
(Из книги отзывов и пожеланий.)

С Одессой у меня очень много связано. Во
первых, я жена на одесситке (в браке —
49 лет). Я настолько часто бывал в Одессе,
так сильно вошел в ее среду, что когда-то ре
шил написать свои воспоминания о вашем чу
десном и дорогом моему сердцу городе. Мне бы
хотелось, чтобы кто-либо из одесситов озна
комился с ними и выразил свое мнение. Воз
можно, и меня примете в свой Клуб.

Или дайте эл. адрес — к кому обратиться.
В 2010 г. мы переехали к детям в США на
ТМЖ, они живут в Нью-Йорке, мы с же
ной — в штате Массачусетс, на Кейп Коде
в г. Хаянис. Раз в год мы прилетаем в Киев
на 1 — 2 месяца. Моя жена окончила Одес
ский медицинский институт в 1963 г., я окончил
Харьковский медицинский институт в том же году.

Сщ. — Владимир Поддубный.

Леонид!
Посылаю адрес сайта в Facebook
(http://www.facebook.com/groups/1176985
84461/photos/) "ОДЕССИКА", на котором
представлены виды старой Одессы.
"ОДЕССИКА" — одна из групп на
Facebook, созданная для объединения всех рас
сеянных вaley судьбы по всему миру одесситов,
всех тех, кто любит и помнит свой родной го
род, всех, кто интересуется его историей.
355 участников.

Виктор Корочев.

Ленечка, поправляйся поскорее! К нам
идет ураган, готовимся. Ваши заклеивает
окна, чтобы ветер их не выдал.

Обнимаем, привет всем!

**Твой Вади и Вера Зубаревы.
29.10.12.**

Добрый день, Евгений Михайлович. Среди
наших любимых писателей — Александр Ко
зачинский. Очень рады, что он не оказался

Книга с автографом, написана
А.В. и Л.М. Камышниковым.

"А.В. и Л.М. Камышниковым."

Мы были молоды. Наша родная красавица
Юга блистала всеми цветами радуги. И была
прекрасна, обворожительна и несравненна не
благодаря пшеничным и иным спекуляциям,
а благодаря нам, разным культурным даро
нам Иксам — Альталенам, Дорошевичам,
Камышниковым, Цакни и многим лиссионе
рам, разноречивым среди одесситов семена
просвещения и вечной правды.

Ведь это мы готовили борцов за свободу
и народное благо.

Вернись, Лева! Вернись и стань вновь в ря
ды борцов за родину своим талантливым жи
вым словом!

Поднявши занавес на моей книге, ты и чу
десная Лидия Владимировна найдете тут
много родного, близкого и того, что забыть
нельзя.

автором одной книги, как долго считалось.
Понравились и недавно прочитанные пилот
ские рассказы, и особенно — история про Фо
ню. Первокласная литература, ценная са
ма по себе, безотносительно к интересной или
грустной судьбе автора. Со все возрастающим
интересом обнаружил публикацию воеводы
Козачинского в четырнадцатом номере
альманаха "Дерибасовская-Римельская".
А почитать не удалось. В электронном вари
анте на сайте клуба одесситов открывается
лишь первый разворот. Следующий за вступ
лением. Остальной текст недоступен каж
дущим очам путешествующих в прекрасное.
Огромная просьба — направить ваших техни
ческих коллег на устранение препон. Не так
уж много осталось от этого прекрасного пи
сателя, чтобы оставлять его недоступным.

С уважением —
**читателю-почитателю Сергей и Лена.
Одесса.**

Здравствуй, Леонид!
Не знаю, кто был автором такой идеи —
вместе отметить 5-ю годовщину со дня без
временной смерти прекрасного футбольного
профессионала и доброго человека Виктора
Прокопенко, но общение через Скире актив
Вселирный клуба одесситов и представителей
Одесского землячества Нью-Йорка с участием
известных одесских спортсменов прошло вели
колепно! Здесь, в Нью-Йорке, землячество
представляли Валерий Савинкин, Исаак
Вайнштейнбойм, Леонид Нор и Семен Шойхет.
Конечно, такое живое общение через океан
следует продолжать. Кстати, океан нас се
годня не балует — приближается к нашему
побережью мощнейший ураган. Будем наде
яться, что стихия не будет слишком усе
рствовать.

С приветом от нью-йоркских одесситов —
Аркадий Трыко.

Глубокоуважаемые земляки-одесситы,
здравствуйтесь! К вам обращается одессит
в третьем поколении — Школьник Эмиль
Львович. Я родился в 1931 г., во время войны
ушел с матерью пешком из Одессы, а все мои
родственники, которые остались, были убиты
фашистской мерзостью. Оттолкнул мой
отец, который всю войну провел на фронтах
Отечественной. Я окончил ОГУ и был направ
лен на Дальний Восток с женой — тоже одес
ситкой. Почти 45 лет мы проработали там,
составляя геологические карты, занимаясь

В. Никуллин. 20.8.42 года".
Кем же были в Одессе Вениамин Никуллин
и Лев Камышников?

В. Никуллин (1868 — 1953) родился
в Житомире. В 14 лет приехал в Одессу. Ув
лекся театром, стал актером, впервые вы
ступил на сцене в Херсоне. Но уже в 1905 го
ду крепко встал на ноги и с 1906 года взял
в аренду Одесский городской театр. Так на
чалась его деятельность антрепренера и ди
ректора театра. В 1928 году вынужден был
эмигрировать в США.

Лев Камышников (1881 — 1961) извест
ный одесский журналист, литературный
и художественный критик, соратник В. Из
дебского по организации знаменитых "Сало
нов", редактор прогрессивной газеты "Юж
ная мысль", редактор-издатель журнала
"Театр и кино". Эмигрировал из Одессы осе
нью 1919 года.

поисками месторождений, ведя научную ра
боту в системе АН. Открыт целый ряд мес
торождений, в том числе — уникальных,
опубликованы более десятка монографий, не
сколько сотен статей, я защитил доктор
скую, жена — кандидатскую, и сейчас мы на
пенси и живем в Москве. Должен честно ска
зать, что очень немногие коллеги из Москвы,
Новосибирска и других городов смогли достичь
нашего уровня — уровня, который заложили
в нас наши учителя в университете. Вечная
память им. Мена играла в баскетбол и за
влекла меня, и мы выступали за ОГУ и пре
красно помним всех баскетболистов того вре
мени — начиная с любимого Славы Захаржев
ского. Нам приятно будет получать инфор
мацию от вас, хотя у нас есть родственники
в Одессе, но из-за моей болезни приезжать
в Одессу трудно. Желаю успеха в вашей пре
красной деятельности. Прошу считать меня
членом клуба. Всех благ и успехов.

**Э. Школьник.
"Shkolnik", gelik@mail.ru.**

Добрый день (это у нас — день), дорогой Ле
онид! Мы с Игорем с восхищением вспоминаем
создаваемый Вами компьютерный журнал!

И я всем знакомым о вашем проекте рас
сказываю! Вот что значит действительно
любить свой город... Желаю Вам удачи,
а клубу — процветания.

Большой привет от меня всем, с кем я име
ла удовольствие познакомиться в клубе!

**С уважением — Нина.
12.09.12
Nina Alover, nalover@gmail.com**

Добрый день, Евгений Михайлович. В текс
товом файле — весь цикл наших одесских за
меток. В том числе — появившихся после на
шего визита во Вселирный клуб одесситов.
К сожалению, из-за стремления подробней
ознакомиться с вашими прекрасным городом
сократились знакомства с людьми. Многих не
успел повидать. Со многими не смогли позна
комиться. Тем не менее, впечатлений хват
ит надолго. На прилагающемся фото отра
жается выставка, которую мы сразу по при
езде организовали в нашем независимом
книжном магазине "Литовский". Намлуч
шие пожелания да горячие приветствия горячим
черноморским поэтам, художникам. Сергей
Сигерсон, Елена Сиренева. 592 декабря 371
нылесоса.

Елена Сиренева, jalenas@yandex.ru.

Лев Камышников жил в Нью-Йорке.
Издавал книги на русском языке для русских
читателей.

Лев Камышников и его жена Лидия Влади
мировна были известными и весьма респекта
бельными дилерами, торговали русскими кар
тинами и антиквариатом. Об этом пишет
князь Никита Лобанов-Ростовский в книге
"Эпоха. Судьба. Коллекция".

Камышников был членом Одесского земляче
ства. В 1953 году в "Бюллетене Одесского
землячества" № 6 была помещена его ста
тья "Над Одессой на воздушном шаре" и вос
поминания об одесском художнике-карикату
ристе М.А. Дризо (М.А.Д.).

Призыв Вениамина Никуллина к Камыши
нкову вернуться, такой понятный в годы вто
рой мировой войны, естественно, не был осу
ществлен. Оба бывших одессита закончили
свою жизнь в Нью-Йорке.

Илья Беккерман, коллекционер и библиофил.

Дорогие Леонид и Аркадий,
наконец пишу вам из Берлина. Я хотела
поблагодарить вас за теплый прием и под
держку.

Было приятно посещать ваш клуб, уви
деть, как много вы достигли, создав такую
замечательную организацию.

Желаю вам дальнейшего процветания. Ле
ониду скорейшего выздоровления.

Пожалуйста, не забудьте вставить меня
в рассылку. Буду вам еще надоедать своими
вопросами, но в пределах разумного :)

Всего наилучшего.

**Светлана.
guseynova.sevil, sevilnovator@yandex.ru.
1 октября 2012.**

Леонид (к сожалению, не нашел Вашего
отчества), здравствуйтесь.

Жизнь так сложилась, что на 39-м году
жизни пришлось уехать из Одессы. Уехал
в Черногорию. Начал ассимилироваться и об
нарижился, что бывшие мои соотечественники
(Вы понимаете, что я имею в виду не толь
ко Украинцу) здесь очень разобщены. Страна,
конечно, маленькая, и наших здесь не много,
но все-таки есть. И вот я на одном Интер
нет-портале создал блог "Одесситы Черно
гории, объединяйтесь". И одесситы не заста
вили себя ждать, и не только. Под флаг
Одессы подтягиваются и бывшие москвичи,
и жители Урала.

Но сейчас не об этом. Я родился и вырос на
Малой Арнаутской, 5, в трех кварталах от
Вашего офиса, и наверняка можно найти
в Одессе своих членов клуба, которые дали бы
мне рекомендации. Вопрос к Вам такой: мо
жем ли мы, объединившиеся одесситы Черно
гории, называть свой клуб филиалом Вселир
ного клуба одесситов? Спасибо за ответ.

**С уважением — Владимир Гранов.
Владимир ogr@ukr.net, 4 октября.**

Здравствуйтесь! Я хотел бы приобрести
у Вас новую книгу Ю.Н. Михайлика "Пере
мена времен".

Живу в Питере.

Я очень люблю этого поэта, и мне очень хо
чется, чтобы эта книга у меня была.

Я готов компенсировать все расходы по пе
ресылке.

Сообщите, пожалуйста, возможна ли от
правка...

**A. Bashkarov, bashkarov@mail.ru.
7 октября 2012.**

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:
www.odessitclub.org

Леонид ЛУЦКИЙ

Записки на одесских салфетках

Один недобрый тип ехидно заметил: "Если ты уехал из Одессы в 17 лет, то стал человеком, а если остался, то — одесситом". Кстати, он вернулся...

Поначалу я решил перебраться свои салфетки по тематике, но их уносило ветром кондиционера, будто парусники в шторм, поэтому я прижал их пепельницей и выдергиваю бессистемно, возвращаясь к темам и забывая оные. Словом, "тревожно мысль моя то путалась, то рвалась..."

Одесситы по-прежнему провинциально торжественны, и на задрипанной двери бывшей квартиры моей жены в Отраде я прочел: "Уважаемые жильцы и гости (!) нашей парадной!" Дальше шел текст о новой пружине, которую они поменяли, и настоятельная просьба придерживать дверь.

Одесситы полны оптимизма. Там же красовалась неказистая вывеска: "Похоронное бюро "Карлтон". Без обеда и выходных". Пожалуй, это одно из немногих мест, где сохранились ударники труда. Еще одно похоронное бюро, "Восход", порадовало объявлением: "У нас есть кошерные гробы".

Одесситы убеждены, что у них монопольные авторские права на все литературное наследие своих земляков, поэтому вывеска "Матрасы "Венето". Здоровый сон" была подкреплена цитатой из Ильфа и Петрова: "Человек, лишенный матраса, жалок!".

Радовала точность находок. Комиссионный магазин назывался "Шкаф", у некоторых вывесок я реально тормозил. Скажем, "Ноутбуки в цитрусе". Без всяких кавычек, с прописной буквы, а "Цитрус", оказалось, это магазин компьютеров. Какое-то время обескураживала назойливая надпись "Пельмени в компоте". "Компот" оказался чудесным недорогим домашним рестораном на Дерибасовской, где к пельменям с утиной, грибами, бараниной и кальмарами (?) подают банки с вишневым и клубничным компотом и половник. И это в единственном городе СССР, где так отчаянно воровали продавцы газированной воды, что приходилось заказывать "полтора сиропы".

Одесситы по-детски категоричны. "Есть всё!" — гласило многометровое полотнище, а ниже имелаась довольно кривоватая приписка: "бытовая техника".

...Мы гуляли по Французскому бульвару, бывшему Пролетарскому. Жена показывает на какой-то дом:

— Здесь жила всякая обкомовская сволочь. Его так и называли: "Пролетарский дом на Французском бульваре".

А переулок, где чудом сохранилась ее бывшая дача, зажатая со всех сторон особняками новодела, всегда назывался Шампанским, потому что рядом — знаменитый и действующий завод Редерера. Я вот жил на улице XXI партсъезд угол 40 лет Советской Украины. Какая гадость!

Традиционный одесский юмор жив, и перлы по-прежнему рассыпаны в разговорной речи. Рядом с главным корпусом тубдиспансера разместился помпезный и престижный ресторан, и его тут же нарекли в народе "Палочка Коха".

Канцелярит официоза тоже неистребим. На спуске пляжа "Отрада" мы прочли: "Купание собак и нахождение их на пляже строго запрещены!". "Нахождение", даже не пребывание. И тут же висела равновеликая реклама "Собаки Баскервиль. Сенсация в Одессе!" Выходит, своим нельзя, а гастролерам можно?

Коты — такая же принадлежность старой Одессы, как и набившие оскомину бренды. Недаром к ногам памятника Тете Соне в рыбном ряду на "Привозе" ластится кошка.

Наш общий приятель, преуспевающий врач Боря, будучи слегка подшофе, пробует поздно ночью набрать код замка в парадном. После седьмой неудачной попытки он услышал голос из темноты:

- Вы здесь живете?
- Да.
- Вы знаете кота Мурзика?
- Нет, — ответил Боря, и в этот момент замком чудом открылся. Проскользнув в парадное, чтобы ненадолго не зашло дверь, он успел услышать вслед категоричное:

- Нет, вы здесь не живете!

Одесские парадные — отдельная печальная песня. Их не коснулись политические перемены, а ветры истории оставили в них лишь зияющие проломы. В Израиле, как, наверное, и везде, обитатели одного дома, подъезда — люди примерно одного же класса. Мне и в голову не придет селиться в доме, где за подъезд и озеленение собирают по 600 — 800 шекелей, но я знаю вороньи слободки на периферии, где не могут собрать и 15. У нас живут по принципу: по Сенке и парадное. В Одессе ни одну из наших посиделок не миновала тема ремонта подъезда. На фоне квартир наших друзей Эрмитаж вы-

глядит чистенько, но бедненько, зато в каком парадном — разлука по профессору Преображенскому. Рухаются многометровые пласты штукатурки, валяются крыши, а на старинном особняке напротив Дома ученых я увидел табличку: "Осторожно, возможно падение фрагментов лепнины". То есть эта сторона улицы опасна, как во время обстрелов блокадного Ленинграда.

Как правило, в подъезде из шести — восьми квартир есть две, хозяева которых согласны оплатить большую часть ремонта, но нет никакой возможности заставить остальных внести скромную лепту. Эти Швондеры смотрят им в руки, рассматривают ваши вложения в их дизайн как естественную форму экспроприации экспроприаторов, и социальная ненависть в них сильнее потребности в уюте. Единственное, чему их научили за последние двадцать лет, это не мочиться на собственной лестничной клетке, а для "гостей нашего парадного" придумали кодовые замки. Мы ходили по городу со столовым ножом, которым я ловко, одним тычком отодвигал язычок замка по ночам, но, хоть убей, не мог этого проделать днем, на трезвую голову. А в подъезде у нас жили вполне приличные люди: очаровательная сестра Анна, полька из католической миссии, пара состоятельных соседей и религиозная еврейская семья с маленькими вежливыми мальчишками в пейсах. Мы друг другу всю неделю кричали: "Не закрывайте, пожалуйста, двери!" Однажды глава ортодоксального семейства поблагодарил меня за эту чертову дверь, я, понятно, на автомате сказал, что не за что, и тут до нас дошло, что говорили мы на иврите.

Хотя одно парадное все-таки достойно пieten. Это кафе "Парадная" на Соборной площади. Там собирают рецепты и ежегодно издают свою поваренную книгу. Удостоился грамоты за свой рецепт "фальшивого омара" на базе днестровского рака. Там же, на площади, купил магнитную наклейку на холодильник "Еды нет" — мне же по возвращении опять на диету садиться.

Может, глаз замылен, но не видел я в Одессе, как в Москве, толпы нищих и беспризорных детей. Хотя, конечно, в одном отдельно взятом парадном...

Невозможно построить капитализм в одной отдельно взятой квартире, поэтому дети большей части наших друзей, независимо от национальности, уже далече. Остался единственный ребенок, Женечка, которая, на радость папе и маме, пока еще не защитила диссертацию. Еще одну девочку мы на днях ведем под хулу в Израиле. Их папы уже мрачнеют в предчувствии разлуки.

Мой приятель, щирый украинец, чья дочь давно окончила Беркли, рассказал, как в ресторане за соседним столом дети новых украинцев играли в слова. Все дети играют в слова, но эти называли модные бутики, рестораны, иномарки и фирмы:

- "Зара" (бутик, — прим. авт.).
- "Александровский" (ресторан).
- "Имamoto" (суши-бар).
- "Орхидея" (бутик).
- "Ягуар" (навороченный автомобиль).

Коснулся ли моих знакомых кризис? По большому счету ударил очень больно, но к ним неожиданно вернулись интеллигентные черты, и они вспомнили, что были когда-то кандидатами наук и людьми иных приличных занятий.

Мои одесситы стали удивительно аполитичными, померанцы их уж давно отцвели, и на все мои расспросы о кандидатах предстоящих выборов отвечали брезгливо и неохотно. Такая украинская версия русской классики: "Воруют". Только звучит грубее.

Побывал на митинге на Екатерининской площади. Абсолютные люмпены, сохраненные плоды пьяного зачатия, дружно сдавали футболки и транспаранты, и по воздуху уже разносился запах обещанного пива. Крепкие жилистые старухи предвкушали свою прогулку по "Привозу". Их кандидат "обещал услышать каждого", его слова да богу в уши. Но свобода слова — главное достижение Оранжевой революции — жива: на этом бы фундаменте да экономикой построить. Чиновников видел: не чета нашим, морды лоснятся уверенностью в завтрашнем дне. Но и у народа взгляд не потухший, научились выживать без всякой надежды на государство.

Из разговора с бизнесменами понял, что главный термин современных финансовых операций — это кому-то сколько-то "взнести". То есть поголовный уход от налогов — только кажущийся, на самом деле они платят налоги в виде взятки различным госчиновникам. Здания судов, особенно хозяйственного, как и санитарной службы, отремонтированы с любовью. А памятник Взятке (Апельсину) с Ланжероновской убрали подальше, на бульвар Жванецкого: он местным чиновникам мозолил глаза. Аналогичная судьба постигла и монумент грядущего хама — памятник Потемкинцам. Он

теперь стоит на Таможенной площади, и брашка показывает рукой на стайку путан, там у них стойбище. Зато на прежнем месте, несмотря на протесты заезжих казаков, гордо высится Екатерина с фаворитами, каждый из которых имел прямое отношение к этому городу. Но одесситы бы не были одесситами, если бы не разобрались с этой щепетильной для нынешней Украины темой без казаков. В саду скульптур Литературного музея стоит изумительная пародия на эту величественную скульптуру. Императрица держит в руках "русско-украинский разговорник", у фаворитов — свои любимые книги: автор генерального плана города Деволан читает "Путеводитель по Одессе", Дерибас знакомится со Жванецким, в руках Потемкина — "Конармия" Бабеля, а у Платона Зубова — "12 столбов".

Украинская речь в городе уже как-то слышна и, что особенно приятно, не восточный суржик, а красивая литературная мова. У Потемкинской лестницы дежурит опереточный гетман в мехах, тяжелом жупане и с шашкой, зазывает туристов фотографироваться. Мы его встретили в кафе на Дерибасовской. Стоял удивительно жаркий для октября день — 26 градусов. Официант участливо спросил, не легко ли он оделся. Заботливый.

Умиляет доброжелательность одесского сервиса. Тебя любят даже за небольшие деньги продавцы, официанты, рыночные торговцы, таксисты и киоскеры. Тебя любят — и, что характерно, бескорыстно — прохожие. Вы можете представить такого гипотетического москвича? Куда девалось знаменитое совковое хамство? А рестораны чудо как хороши. Они все абсолютно индивидуальны, со своим дизайном, и все, что есть в меню, съедобно.

Это классная смесь еврейской домашней кухни (цимес, форшмак, фаршированная рыба, карп, оладьи из тюльки-сардельки), черноморско-средиземноморской (греческий салат, камбала, кальмары, мидии, скумбрия-качалочка, кефаль, рапаны — они вернулись), украинской (вареники, вертеники, борщи, грибные юшки, деруны — уж простите меня, белорусы, это давний спор; соленья, кровяная и домашняя колбаска с "Привоза", знаменитый челога — отбивная на косточке, судак, узвар из сухофруктов, квасы с изюмом, наливки и настоек) и правда хорошая французская кухня, описание которой я пропускаю за недостатком места и в надежде на вашу кулинаруную эрудицию. Цены? А вот представьте, что вы поменяли свой трудовой шекель на 2,2 гривни и получили счет в самом дорогом месте минимум в два раза меньше ожидаемого, не считая щедро заказанного горячительного. До израильского счета можно догнать только при наличии в заказе французских или итальянских вин, но я боролся с глобализацией. Тамошний ресторанный абортген Колька меня просветил:

— После отъезда курортников, в межсезонье, ходить можно только в 15 проходных кабаков. Там все свежее.

Колька — сноб, ходить можно повсюду. Рекомендую кафе "Лунный свет" на улице Пастера, где копеечные цены и лучшие в Одессе рапаны и фаршированные кальмары. У меня есть друг Валечка, настоящий капитан дальнего плавания, вот мы с ним и погрузились по ватерлинию. Держит "Лунный свет" его товарищ — кандидат наук — с женой-художницей, и прямо с экспозиции нам сняли тараньку.

Можно в "Печесского" и этажом выше — в "Уточина", где подают крем-суп из белых грибов и такую говядину, что хочется съесть и шеф-повара. Повар проверяется на говядине, а свинину, рыбу и курицу только калека может испортить. Добил меня дизайн "Дачи" на Французском бульваре. Официантки в крепдешине, панамы, душевая кабинка в саду, ванна посреди зала, стилизация открытой проводки и три скворечника едких тонов с объявлением "Здам скворцам почасово. Дрозд". Да, именно через "З" — "Здам". А вкусно как! Считайте эти иллюстрации рекламой заведения.

Зайдите в "Куманец" на Гаванной, чтобы раз и навсегда понять принципиальное различие между южной украинской кухней и северной — русской. Посетите "Гоголь-моголь" на Гоголя — ностальгию по коммуналке — и "Гоголь-моголь" на Даче Ковалевского, с видом на море. Единственное, что их роднит, это стимулирующая творчества в туалете. К услугам посетителей — мел и фломастеры. Надписи, должен заметить, весьма целомудренные: "Олежка, мне хорошо с тобой. Твоя жена Валя". "Люблю Наташу. Дима". Ну и так далее, пока я не набрел на что-то оригинальное: "Суслик, сука, личность!" Мы всей компанией зауважали Суслика.

Фраернулись мы только один раз, заказав в подозрительно пустом кабаке раков.

Я пригласил мадам-администраторшу и попросил съесть одного. Хитрая, хоть и лимита: я, говорит, их не ем, у меня на них аллергия.

— Я же не ваш аллерголог. Или вам санитарного врача пригласить?

Не извинились, но из счета исключили. Одеты одесситы, на наш разгильдяйский израильский взгляд, излишне торжественно. Особенно мне понравилась мужская обувь, вся лаковая, остроноса, в ней нарядно ходить. Цены задраны так, что в магазинах только продавцы, покупатели эти бутики стороной обходят. Да и так подумать: за какие деньги такую армию продавцов и швейцаров содержать? Мы даже поехали на приличный вещевой рынок на улице имени 25-й Чапаевской дивизии. Ряды стекляшек образовывали улицы и именовались торжественно: Монмартр, 5-я авеню, Мари Роз, Риволи, Диора, Бродвей. Но на Бродвее и даже на нашей Кикар Медина дешевле. Цены — в у. е., то бишь условных единицах — долларах. Нужно быть полным у. е., чтобы там покупать. Но я какую-то херню сторговал, как когда-то говорили: оправдал поездку. Так и гуляли в полном одиночестве.

А еще (жалеть или радоваться, что ничего не работает?) дельфины вернулись, симпатичные черноморские дельфинчики. Резвились у нас на глазах перед яхтами и катерами.

Был ли я на "Привозе"? Ну, понятно, был. И "Привоз", в отличие от знаменитого рынка в Риге, не потерял своего великолепия. Одесских баек рассказывать не буду, они традиционные, зато порадовал нас вуйко-западонец с сушеными грибами:

— Из Израйла. Та я ж бачу. Визмить грибочков, як там наши евреи без грибочков мучаются!

Я и взял грибочков, жирной черкасской тараньки с икрой, бичков (нужно правильно писать это слово), салца, домашней колбаски, кровяночки, малосольной брынзочки, сулугуни с базиликом. Но воздержался от алкоголя и базарного нерафинированного, знаете, такого с душком, постного масла. Никакой жидкости, потому что опьянит. Умело распихал по чемо-данам и категорически запретил нашим друзьям дарить коньяки и вина. Не тут-то было, Мишка, великий одесский стоматолог, таки привез бутылочку винца, штопор и разовые стаканчики. Ловко так выдернул, словно зуб, пробку, разлил, и как нам захоросило на старые дрожжи. Идем мимо таможенников, смеемся. Те стоят, как всегда, торжественные, но слегка обескураженные. Все ругаются, платят за перевес, им, понятно, предлагают "договориться", но настроение у народа уже не то, отдых испорчен. Из-за чего? Из-за дерьма. Бутылки шабского вина за тридцать шекелей. Странные люди. Нас, блаженных, почти формально спрашивают:

- Не везете ли лекарства, продукты?
- Боже упаси, — голосом одесской хайки говорит жена.
- А сколько у вас денег?
- Я не знаю, надо спросить у мужа, — она уже вошла в роль.
- Сколько у нас денег?
- На такси из аэропорта точно осталось.

Ну что с нас взять, разве что пожелать счастливого пути.

Прохожу через рамочку, выкладываю на поднос часы, сигареты, ремень. Говорю:

— Ой, какой у вас красивый подносик, можно взять? В смысле — вещи.

И тут таможенника, наконец, проняло, расплывается в улыбку, все-таки одессит:

— Вещи — пожалуйста, но подносик наш!

В курилке стоят ор и мат:

— Лучше бы, блин, я через Кишинев летел.

За две бутылки коньяка заплатил почти триста долларов!

Нет, этот персонаж меня преследует тридцать лет, и ему всегда не больше тридцати. Существует стойкая легенда о добрых кишиневских таможенниках и злых одесских. Я, пожалуй, не удержусь и расскажу анекдот о молдаванах, в Одессе по-прежнему в почете анекдоты о молдаванах. Только не пересказывайте его нашему министру иностранных дел. Если я кого-то обидел, можете позвонить и рассказать еврейский.

Два молдаванина приехали на работу в Одессу, сделали богатому еврей евроремонт, он расплатился с ними в три раза меньше, чем договаривались, но в два раза больше, чем они рассчитывали. Не спешите же с деньгами домой, в деревню. Взяли на радостях на двоих самой дешевой колбаски, гогушары, брынзу, бутылку недорогого паленой водки и, опять же на двоих, самую дешевую девушку. Сняли комнату на Молдаванке, утром просыпаются: ни денег, ни вещей, ни девушки. С горя пошли к морю топить. Один поймал в тусы золотую рыбку:

- Хоть пожрем перед смертью.
- Не ешьте меня, я старая, костлявая, тинной пахну, давайте я вам напрягусь и одно желание на двоих выполню.

— Ладно, пусть на этом месте стоит стоэтажный отель. И чтобы только мы с братом могли его штукатурить!

Надежда КОЛЫШКИНА

Таинственные знаки судьбы

Семья Зинаиды Шишовой. Старший брат ее, Константин, как и подobaет офицеру, присягнувшему Короне, — убежденный монархист, сестра Лёля — отчаянная эсерка, младший брат — книгочей и домосед, погруженный в словари и древние тексты, а сама Зика, лирик от рождения, — скорее, бунтарка, чем поэт. И с этим ничего не могут поделаться ни Элеонора де-Рибадо — аристократка и красавица, ни Константин Шишов — строгий и вечно раздраженный педагог с неудавшейся карьерой.

Зинаида Константиновна Шишова появилась на свет в 1898 г. в обедневшей дворянской семье. Зика (так звали ее друзья и родные) пишет в автобиографии: "Мать моя — Элеонора Ипполитовна де-Рибадо — правнучка французского эмигранта-дворянина. Мой прадед в екатерининские времена был соратником герцога Ришелье, графа Ланжерона и адмирала Хосе де Рибаса и много потрудился при завоевании и при строительстве Одессы. С де-Рибасами Рибадо даже породнились, уж не помню, кто на ком женился, но с де-Рибасами мы считаемся "двоюродными".

"Детство мне выпало трудное, — пишет Зика, — в большой недружной семье и к тому же малообеспеченной. С четвертого класса я давала уроки и полностью окупала свое содержание... Сочинять стихи я начала очень рано, задолго до того, как научилась их записывать... Училась я в частной женской гимназии О.В. Кандыбы и окончила ее в 1917 г. В этом же году было принято мое первое стихотворение в "Новый журнал для всех"... Меня это просто окрылило... В 8-й аудитории юридического факультета зародился первый Одесский союз поэтов. Там я познакомилась, а впоследствии сдружилась с Багрицким, Олешей, Катаевым и Адалис... Мы назвали свой кружок "Зеленая лампа".

"Ведущими поэтами, писателями и журналистами того времени были в основном видные представители одесской буржуазии, — пишет в автобиографии Зинаида Шишова. — Александр Биск ("Бриллиантовая контора Биск и сын"), Е. Кранцфельд ("Банкирская контора Кранцфельд"), В. Инбер ("Паровые мельницы Инбер"), Михаил Лопатто ("Лондонская гостиница") и т. д. К тому времени "Зеленая лампа" пополнилась новыми членами: Наталией Крандиевской (Толстой), Алексеем Толстым, Леонидом Гроссманом. Меня в члены клуба рекомендовали Иван Бунин и Алексей Толстой".

Как экзотические цветы, вырастают на литературной ниве всё новые и новые имена, и каждому из них находит место на страницах альманахов, носящих столь же причудливые названия: "Седьмое покрывало", "Авто в облаках", "Серебряные трубы", "Чудо в пустыне" и т. п. "На деньги богатого молодого человека — сына банкира, мецената и дилетанта... выпускались альманахи квадратного формата с шикарными названиями", — писал Катаев. (Цит. по: Зинаида Шишова. *Сильнее любви и смерти. — Коктебель, 2011, с. 14.*)

"В начале февраля 1918 года выходит "Первый альманах Студенческого литературно-художественного кружка", — пишет в статье "Это было, было в Одессе" Алена Яворская. — Премия кружка получает Зинаида Шишова — об этом сообщается на последней странице альманаха. Критик и поэт Марк Бертенсон отмечает стихи В. Катаева, Ю. Олеси и З. Шишовой, "ибо они поэты, пусть еще незрелые..., но поэты Божьей Милостью". (Там же, с. 19.)

*Я помню, мы в детстве с тобою
склонялись над этим листом.
Наш путь был отмечен пунктиром,
а гавани — красным крестом.
Захо, Табаско, Чизлес —
и много таинственных стран,
И много таинственных знаков
готовил для нас океан...*

— писала юная Зиночка Шишова своему младшему брату, не зная еще, что пунктирные пути их жизней будут весьма трагичны. "Таинственные знаки" судьбы проступают даже в самых ранних ее стихах. А когда пришла истинная любовь, поэтические предчувствия превратились в кошмар пророческого знания.

*Стало страшно, когда погасла...
Поднялась на нас темнота.
Из лампы тяжелое масло
Залило одежды Христа.
Страшен лик от черного гнева.
Расступилась черная падь...
— Богородица, Присная Дева, —
Ты не знала. Тебе не понять.*

— пишет в октябре 1918-го двадцатилетняя Зинаида Шишова, а через месяц уходит из

жизни ее первая любовь — Анатолий Фиолетов. Убит нелепо, как бы случайно. Будучи студентом Новороссийского университета и работая в угрозыске, пал от бандитской пули, тогда как брат его Осип (прототип Остапа Бендера) был с этой публикой, можно сказать, "на дружеской ноге".

Не повезло юной Зике, потерявшей Любовь. Сраженная смертью возлюбленного, она долго болела, перестала писать. Думала — навсегда. Спасли друзья по поэтическому цеху, и прежде всего — преданный дружбе Юрий Олеша, инициативный Валентин Катаев и отзывчивый Вениамин Бабаджан. Составив сборник ее стихов, они втайне от убитой горем Зики издали книжку под громким названием "Пенаты", предварив посвящением Анатолию Фиолетову.

Эта тоненькая книжка, изданная тиражом в 200 экз., сыграла в судьбе Шишовой просто-таки магическую роль. Тогда, в 19-м, книга вернула Зику к жизни. Нет, Шишова не вернулась в университет, где до этого училась на одном факультете с Шором (слишком многое напоминало о нем), не взялась за перо, чтобы продолжить дело, бывшее не так давно общим и любимым. Она взялась за оружие. В прямом смысле этого слова. Не пугайтесь! Зика не стала террористкой и бомбометательницей, не стала доморощенной сыщицей, чтобы выследить и наказать убийцу мужа. Зинаида Шишова в свои двадцать с небольшим пошла служить в отряд по борьбе с бандитизмом. Отряд был мобильным и действовал в самых, как бы сейчас сказали, "горячих" точках Причерноморья. Эта хрупкая сероглазая девушка с копной дымящихся волос наряду с профессиональными революционерами (на деле, я полагаю, больше смахивающими на тех, за кем они гонялись) тряслась на тачанках по пыльным сельским дорогам, ночевала в прокуренных избах, ела сухой солдатский хлеб. "Операции наши проходили в бандитских районах — Балта, Саврань, Гандрабуры, Пасицелы. Я имела ранение и заслужила благодарность Балтского укома партии", — отмечает в автобиографии Зинаида Шишова.

Сияние ее волос не долго прятала туго стянутая красная косынка. Командир отряда комиссар Брухнов, человек прямой и решительный, приметил отчаянного бойца с грустными глазами и предложил преодолевать тяготы походной жизни вместе. Зика искренне увлеклась этой неординарной личностью, и в 1921 году они поженились. Происхождения ее новый избранник был пролетарского. Портовик и сын портовика, Брухнов, тем не менее, получил образование нотариуса, поскольку большевистской партии, в коей он состоял с дореволюционных лет, требовались грамотные люди. На фронтах первой мировой войны Аким Брухнов заслужил три Георгиевских креста, полагая, что истинный коммунист должен быть примером во всем. А из гражданской вышел с тремя ромбами в петлице, что соответствовало генеральскому чину. Друг и соратник Котовского, с которым они порубали немало белополяков, Брухнов отнюдь не был поэтом, но революционной романтикой было в нем с избытком. Когда комиссар с молодой женой (Брухнов был старше Зики на 17 лет) обосновались в Одессе, в обязанности его входила проверка рыбных промыслов Азово-Черноморского бассейна, и, тем не менее, их новорожденная дочь умерла от голода, поскольку комиссар не мог и не хотел пользоваться какими-либо привилегиями, когда народ бедствует.

12 октября 1924 года в семье Брухновых родился мальчик, которого нарекли Маратом. И здесь не обошлось без революционного пафоса. Счастливый отец утверждал, что к тому времени, когда их сын вырастет, не будет ни наций, ни государств, поэтому мальчик следует назвать интернациональным именем, а еще лучше — просто Камнем, в честь революционера Каменева. Зика робко предложила вместо Камня назвать Петром или же поискать другой героический символ. В составлении революционеров, к счастью, победил неистовый француз. В его пользу сыграло то, что Марат — это и азиатское имя, а комиссар как раз собирался по воле партии в Среднюю Азию на борьбу с басмачеством.

Писать Зика в те годы перестала, лишь изредка из-под ее пера вырывались иронические строчки:

*За спиной у мужа —
Не жизнь, а сон, —
Одежа, обуза,
Полный пансион.
Тесто на соде,
Тесто без соды...
Будьте ж вы прокляты,
"Сытые годы"!*

Пока комиссар сражался за Светлое Будущее, Зинаида Константиновна воспитывала сына, с трудом сводя концы с концами. "В 1928 г. я окончила курсы по подготовке дошкольных работников, — пишет она в автобиографии, — заведовала яслями, детскими садами (28 — 30 гг.), работала статистиком райадминотдела в болгарском национальном районе (1930 г.), секретарем юрчасти треста "Коопхарч" в Одессе (1930 — 34 гг.)". Тогда-то о ней и вспомнили друзья по литературному кружку "Зеленая лампа", которые к тому времени дружно перебрались в Москву.

"Катаев выслал мне деньги на поездку в Москву, — вспоминала позже Зинаида Шишова. — Готовился к выходу альманах памяти Багрицкого, и Катаев предложил написать воспоминания о Багрицком. Я пятнадцать лет ничего не писала и была уверена, что никогда не смогу писать... Катаев буквально вытолкнул меня в литературу".

Надо ли говорить, что "Воспоминания о Багрицком" вышли в 1936 г. с прекрасной статьей Шишовой о своем учителе и друге. А когда она вернулась в Одессу, в журналах (уже не столь многочисленных и не таких вольных) стали появляться рассказы З. Шишовой: "Кавалер Махаон", "Хутор дружбы", "Мама" и др. Зика начинает писать для детей, и не только потому, что главным ее читателем и критиком становится не по годам умный Марик, а прежде всего — по совету Катаева, подкававшего, что эта стезя не так опасна.

А опасаться было чего. Комиссара Брухнова не миновала судьба его друзей и соратников, с которыми они не только "торопили перемены", но и вершили революцию. В 1937 году Аким Брухнов получил 10 лет без права переписки, был сослан в Архангельские лагеря, где и погиб. Зинаида Константиновна с сыном автоматически попадали в сомнительный круг чезсвзоров (член семьи врага народа), и переселение могло состояться не в Москву, куда Зику по-прежнему звали друзья, а в места куда более отдаленные.

После ареста мужа Зинаида Константиновна переезжает из городской квартиры в рабочий пригородный поселок и с головой погружается в работу. В 1937 году закончена повесть "Великое плавание", о которой у нее есть договор с Детгизом (вышла в свет в 1940-м). Тут же начинается работа над повестью "Город у Моря" (посвящена Одессе, однако свет увидела под названием "Год вступления 1917"). Кроме того, Зика задумала исторический роман из жизни средневековой Англии. Для этого необходимо было в библиотеках, а Зинаида Константиновна панически боится появляться в общественных местах. Хоть волна арестов и схлынула, но все ли простили той, о которой писали: "фарфоровый божок одесского Парнаса", — ее "сытую жизнь" с комиссаром? Зависть и страсть к доносам, согласитесь, у многих в крови.

И снова судьба делает неожиданный кульбит. Старинные Зикины подруги — Крандиевская и Римская-Корсакова — уговаривают ее перебраться в Северную столицу. Там и библиотек хватает, и отделение Союза писателей, мол, не столь ядовитое, как в Москве.

В 1940-м году Зинаида Константиновна с Маратом переезжают в Ленинград, благо денег, полученных за "Великое плавание", хватает на комнату в кооперативном доме. В Северной Пальмире Зинаида Шишова много и увлеченно работает. Заканчивает исторический роман "Джек-Соломинка", собирает материалы для книги о Тредиаковском.

Город встретил войну без паники, а настроение подростков в нынешних понятиях даже описать трудно. Они больше всего боялись не успеть на войну, поскольку свято верили, что "на вражьи земли мы врага победим малой кровью, могучим ударом". Город перешел на осадное положение, но школы поначалу работали, а Союз писателей, членом которого Зика состояла, выдавал не только скудный паек, но первое время даже бумагу. Сладкий иссиня-черный дым с горящих Бадаевских складов стал провозвестником настоящего голода. Город методично бомбили, сознательно выводив из строя не только стратегические цели, но и жилой фонд. Кооперативный писательский дом также был разбомблен, и Зинаида Константиновна с сыном переехали в пустующую квартиру своих знакомых, успевших эвакуироваться.

Зинаида Константиновна в автобиографии пишет о тех страшных днях крайне скупно: "В комнате с наглухо забытыми досками окнами, при температуре 21 ниже нуля, с обороченными руками заниматься прозой было невозможно. Ее нужно было не только сочинять, но и записывать. А стихи можно было запоминать. Я начала снова писать стихи".

И снова стихи стали и проклятием, и спасением. Поэму З. Шишовой "Блокада" читали

по радио, чтобы поднять боевой дух ленинградцев, однако кому-то влиятельному стиху показались упадническими, и началась травля. Если бы не Фадеев, которому удалось осенью 1942 г. вывезти Зинаиду Константиновну с сыном из Ленинграда, они бы там, безусловно, погибли.

Едва оправившись от дистрофии, Марат ушел добровольцем на фронт, получив боевое крещение (как и первое свое ранение) под Сталинградом, а Зинаида Константиновна стала приспосабливаться к непростой литературной жизни Москвы.

Об этом периоде писать трудно, поскольку Зика не любила распространяться о своих невзгодах и никогда не осуждала своих обидчиков. Скажу лишь, что травля утихла лишь после веской резолюции Иосифа Сталина на ее письмо: "Прошу прекратить безобразие".

После войны жизнь легче не стала, хотя Марат вернулся живым и, можно сказать, невредимым. Не считать же — в самом деле! — серьезным ущербом две контузии и семь ранений, с одним из которых он пролежал в госпитале почти год.

Относительное материальное благополучие позволило Зинаиде Константиновне снова засесть за свой излюбленный жанр — детский исторический роман. С годами отношение к работе стало еще более серьезным, если не сказать — дотошным. Ездить в библиотеку, увы, было затруднительно, и Зика составляла длинные списки литературы, которую Марат должен добыть и привезти ей. Причем новый источник мог заставить ее заново переписать книгу. И это при том, что память у Зинаиды Константиновны была отменной, а дома имелась неплохая библиотека. В результате многочисленных переделок и перепечаток повесть "Путешествие в страну Офир" увидела свет незадолго до ее кончины. Смерть, всю жизнь кругами ходившая вокруг этой хрупкой, но мужественной женщины, настигла ее вьюжным декабрем 1977 года.

Последние годы Зика жила вместе с сыном и невесткой в их квартире на ул. Шукина. Зинаида Константиновна тяжело болела, отказывали ноги, но, опираясь на трость и руку Марата, она совершала короткие прогулки по Арбатским — тихим тогда — переулкам. И мечтала даже съездить в Ленинград и — обязательно! — в Одессу. Однако приходило лето, и Зика вновь выбирала место отдыха свое излюбленное Голицыно в Подмоскovie, где в те годы был Дом творчества писателей — очень уютное и шумное место. Скончалась Зинаида Константиновна в Москве, на руках у сына, завещав развеять ее прах над Черным морем. Каюсь, но мы с Маратом тогда выполнить это желание не смогли.

Литературная судьба Зики, можно сказать, сложилась счастливо. Ее творческое наследие не забыто. Исторические романы, которые Зика называла повестями, в советские годы были в списке обязательной учебной литературы для школ и, что удивительно, рекомендованы к чтению школьникам и сейчас. Одно из крупнейших российских издательств "АСТ" в 2011-м году переиздало из них — "Великое плавание", "Джек-Соломинка" и "Путешествие в страну Офир". Однако самая удивительная судьба ждала первый поэтический сборник Шишовой — "Пенаты". Искать книгу, изданную тиражом в 200 экз., в городе, пережившем не одну оккупацию, а значит — голод и холод, когда и более солидные тома шли на растопку, было верхом наивности. Тогда книгу обнаружить не удалось. Книга нашлась в одной из частных библиотек и стараниями Евгения Михайловича Голубовского обрела свое место в Одесском литературном музее. Но это, увы, случилось уже после смерти Зинаиды Константиновны. А когда не стало в 2007 году и ее сына Марата, мне, как праводержателю их творческого наследия, пришлось приехать в Одессу, чтобы выполнить, наконец, последнюю волю дорогих моему сердцу людей. Марат и Зика обрели покой в родной земле, а часть праха, как они и завещали, была развеяна над морем. После чего свершилось истинное чудо. Накануне отъезда в Москву, случайно включив телевизор, я узнаю из городских новостей, что в сборнике "Дом князя Гагарина" — издании Одесского литературного музея — опубликованы стихи Зинаиды Шишовой, долгие годы считавшиеся утраченными.

Примерно год длилась моя переписка с Аленой Яворской и Евгением Голубовским, которые с энтузиазмом восприняли идею собрать все поэтическое наследие Зинаиды Шишовой и издать его отдельной книгой. Странная наша увенчалась успехом. В 2011 году в издательстве "Коктебель" вышла книга: Зинаида Шишова. "Сильнее любви и смерти".

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ Под знойным небом Аргентины

ИЗ НОВОЙ КНИГИ О КОНСТАНТИНЕ ПАУСТОВСКОМ

XX век стремительно утверждался кинематографом, электрическим трамваем, английским футболом, французскими аэропланами, граммофонами, автомобилями, рентгеновскими кабинетами, роликовыми коньками и многочисленными варьете, кабаре, театрами миниатюр. Спрос определил предложение, появились песни, написанные специально для этих заведений, слетели с подмостков, оторвались от авторов и разнеслись по городам и весям.

К новациям этого века можно отнести и авторскую песню, у истоков которой стояли, вернее, пели Александр Николаевич Вертинский и чуточку раньше его — Иза Яковлевна Кремер.

Она родилась в 1887 году в старинном тогда еще бессарабском, теперь — молдавском городе Бельцы, училась пению в Милане, потом приехала в Одессу, где взойшла звезда ее актерской славы. Голос широкого диапазона позволял ей с успехом петь в операх, опереттах и сольных концертах, в которых она исполняла свои песни "Воспоминанья", "Красное и черное", "Мадам Лулу", "Мисс Джен", "Мотыльки", "Негр из Занзибара", "Черный Том"... Она пела их в Екатеринославе, Киеве, Кишиневе, Москве, Петрограде, Ростове-на-Дону... И везде, когда на сцену выходила эта маленького роста женщина, с веселыми глазами, как назвал их Корней Чуковский, с высокой взбитой прической, в черном платье с белыми муаровыми полосами, зал замирал в ожидании чуда, а по свершении его взрывался аплодисментами. И где бы ни пела Иза Кремер, она возвращалась в Одессу, в дом № 1 на Екатерининской улице, фасад которого украшает неподвластная времени мозаичная картина.

Теперь, проходя мимо этого дома, я всегда вспоминаю старого одесского "театрального человека" Генриха Григорьевича Пинского — куплетиста, конферансье, режиссера, администратора, организатора и руководителя эстрадных коллективов, студий и даже варьете в ресторане "Киев" на Греческой площади, первого в Одессе после многолетнего перерыва и по нынешним понятиям — совершенно "безобидного". Он лишился глаза во время первого налета фашистской авиации на Одессу 22 июля 1941 года, с тех пор носил черную повязку и, когда приходил по служебным делам к какому-либо начальнику, то доверительно сообщал: "Я пришел к вам говорить с глазу на глаз". Эта повязка, известная, наверное, половине Одессы, по-моему, только "работала" на весь его облик высокого, крупного respectableного господина. И в то же время было в нем что-то от Остапа Бендера в самом хорошем смысле, впрочем, другого смысла я в "великом комбинаторе" никогда не усматривал. А прогуливаться с Генрихом по Одессе было сущим удовольствием. Правда, он постоянно церемонно раскланивался и перебрасывался несколькими словами с многочисленными друзьями, приятелями, коллегами, питомцами, бывшими соседями и нынешними знакомыми обоего пола, зато в перерывах делился любопытными, зачастую смачными воспоминаниями о временах, которые давно миновали, и о людях, которые давно ушли. "Я живу в доме, где жила Иза Кремер", — частенько говорил он. И повторял по слогам: "И-ЗА КРЕ-МЕР! Ты понимаешь?!" Честно говоря, я тогда это мало понимал.

Из этого дома она уехала в эмиграцию, гастролировала во многих странах, записывала на грампластинки не только свои, но еврейские, русские, украинские, цыганские песни, снималась в кино. Умерла Иза Кремер в 1956 году в аргентинском городе Кордова, и это было странное и грустное совпадение, потому что самая известная ее песня "Последнее танго" начинается словами "В далекой знойной Аргентине..."

Не всем знаком полный текст этой песни, и не так уж много людей слышали грамзаписи ее авторского исполнения. Но читающие люди, по крайней мере, знают о существовании этой песни, поскольку она пережила автора и осталась в книгах писателей разных поколений и разных литературных школ.

В 1920 году писатель, поэт и драматург Илья Львович Сельвинский начал, но не закончил писать поэму "Ублюдок", в которой осталось одесское кафе времен гражданской войны:

*Лимонно-золотое пламя
Разлили лампочки в кафе.
Здесь сизы скатерти. Здесь Даме
Манто набросят голиффе;
Здесь демона облитый фрак
Истомно обнимает ангел;
И оба, изгибаясь в такт,
Томительный танцуют танго:
"В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине —
Там Джо влюбился в Кло..."*



А в 1922 году в Берлине в литературном приложении к газете "Накануне" был напечатан рассказ Михаила Афанасьевича Булгакова "Чаша жизни", персонажи которого появляются в московском ресторане на Неглинном, где "...метрлотель, как какой-нибудь граф: "Сто-лик". Скрипки: "Под знойным небом Аргентины".

Через девять лет в журнале "30 дней" был опубликован роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова "Золотой теленок" и читатели узнали, что "над городом явственно послышался канифольный скрип колеса Фортуны. Это был тонкий музыкальный звук, который перешел вдруг в легкий скрипичный унисон... И хватаящая за сердце, давно позабытая мелодия заставила звучать все предметы, находившиеся в Черноморском отделении Арбатовской конторы по заготовке рогов и копыт. Первым начал самовар. <...> И самовар запел:

*Под знойным небом Аргентины,
Где небо южное так сине...*

Великий комбинатор танцевал танго. <...> А мелодию уже перехватили пишущая машинка с турецким акцентом:

*Гдэ нэбо южноэ так синэ,
Гдэ жэнщины, как на картине...*

И неуклюжий, выдавший виды чугунный компостер глухо вздыхал о невозвратном времени:

*Где женщины, как на картине,
Танцуют все танго.*

Остап танцевал классическое провинци-

альное танго, которое исполняли в театрах миниатюр двадцать лет тому назад..."

Но оказалось, что это не такая уж "давно забытая мелодия", как считали Ильф и Петров, кое-кто ее еще долго помнил, в частности, Паустовский, который в 1954 году в повести "Беспокойная юность" написал о том, что "ни-зенький седой коммивояжер, представитель фирмы готового платья "Мандель и компания" <...> ходил по коридору, засунув руки в карманы, и напевал: "Под знойным небом Аргентины, где женщины, как на картине, где небо южное так сине, там Джо влюбился в Кло!"

Не прошло и десяти лет, как Василий Павлович Аксенов написал "Под небом знойной Аргентины" повесть, вернее, путевые заметки. А в 1969 году на другом конце света издательство McGraw-Hill в Соединенных Штатах Америки выпустило новый роман уроженца Петербурга русского и американского писателя, поэта, переводчика и литературоведа Владимира Владимировича Набокова "Ада", главный герой которого артист варьете Ван Вин танцует со своей партнершей Ритой, которая поет песню Изы Кремер: "В последнем турне Вана его номер завершался танго, для которого он получил партнершу, кабаре-точную танцовку из Крыма в коротком искрящемся платье с низким вырезом на спине. Танцуя, она пела по-русски и по-английски:

*Под знойным небом Аргентины,
Под страстный говор мандолины
Neath sultry sky of Argentina,
To the hot hum of mandolina".*

Набоков написал это ровно через пятьдесят пять лет после того, как в 1914 году в Париже Иза Кремер услышала песню композитора Эмиля Долуара "Последнее танго", которую в кабаре на Монмартре пела известная французская певица и актриса кабаре Иветта Гильбер. Изменив сюжет, Иза написала русский текст и в том же году на концертах в Петрограде, Киеве и Одессе исполняла свою новую песню.

*В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине,
Там Джо влюбился в Кло...
Лишь зажегся свет вечерний,
Она пласала с ним в таверне
Для пьяной и разгульной черни
Дразнящее танго.*

*Но вот однажды с маленькой эстрады
Ее в Париж увез английский сэр,
И вскоре Кло в накеповском наряде
Была царицей на Bataille de fleurs.
Ее лицо классической камеи,
Ее фигуру в стиле Тапагра
Знал весь Париж и любовался ею
И на gran prix, и в Орега.*

*В ночных шикарных ресторанах,
На низких бархатных диванах
С шампанским в узеньких стаканах
Проводит ночи Кло...*

*Поют о страсти нежно скрипки —
И Кло, сгибая стан свой гибкий
И рассыпая всем улыбки,
Идет плясать танго.*

*Но вот навстречу вышел кто-то стройный...
Он Кло спокойно руку подает,
Партнера Джо из Аргентины знойной
Она в танцоре этом узнает...
Трепещет Кло и плачет вместе с скрипкой...
В тревоге замер шумный зал
И вот конец... Джо с дьявольской улыбкой
Вонзает в Кло кинжал.*

*В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине,
Про Джо и Кло поют...
Там знают огненные страсти,
Там все покорно этой власти,
Там часто по дороге к счастью
Любовь и смерть идут...*

Летом 1917 года в репертуаре театра миниатюр "Улыбка", который давал представления в помещении Русского театра на Греческой, 48, появилась инсценировка песни "Последнее танго" в постановке известного режиссера Николая Ивановича Соболевского-Самарина. Единственные воспоминания об этом оставил Владимир Александрович Галицкий.

Какой-нибудь приезжий мог посчитать это представление данью вкусам местной публики, но через год, в июне 1918-го, на экраны вышла "салонная драма в 5 частях "Последнее танго", снятая на сюжет песни Изы Кремер уроженцем Одессы режиссером Вячеславом Казимировичем Висковским на московской "фабрике кинематографических картин" Торгового дома Дмитрия Ивановича Харитоновой. Главные роли Кло и Джо там исполняли королева российского экрана Вера Васильевна Холодная и популярный артист Осип Ильич Рунич — и, судя по сохранившемуся фрагменту фильма, делали это великолепно. Во время демонстрации фильма или, как тогда называли, фильмы, тапер наигрывал на пианино мелодию "Под знойным небом Аргентины", а в кино "Экспресс" на Дерибасовской, 29 пущего эффекта ради специально пригласенная из варьете артистка пела эту песенку, что называется, за кадром. И зрителям, увлеченным фильмом, начинало казаться, что это поет на экране сама Вера Холодная.

А несколько месяцев спустя живой голос королевы экрана звучал в театре "Гротеск", который сменил "Улыбку" в помещении Русского театра. 29 сентября там состоялась премьера мимодрамы "Последнее танго", поставленной режиссером московских, а потом киевских театров миниатюр А.И. Сориним с участием Веры Холодной и Осипа Рунича.

В Русском театре принимали их восторженно, Вере Холодной поднесли огромный букет роз из престижного цветочного магазина Роте, и аплодисменты были слышны чуть ли не на соседней Дерибасовской.

Михаил ГАУЗНЕР

БЕРТА

Искра проскочила между нами не сразу. До этого около года мы были, как говорится, "шапочно" знакомы: встречались несколько раз у общих приятелей, перед входом в филармонию или театр; несколько раз вместе с её друзьями я бывал у неё дома.

Однако ничего личного у меня не возникало, хотя Берта была не только очень красива (на неё заглядывались практически все молодые мужчины), но и обладала каким-то особым, неповторимым естественным обаянием. Но вот — не зацепило меня тогда, и всё ограничилось весёлым, непринуждённым общением.

В конце апреля 1962 г. я пошёл, как обычно, со своими друзьями в поход по горному Крыму. Вернулись 5 мая — счастливые, загорелые, традиционно заросшие многодневной щетиной. Как было у нас принято, вечером этого дня, приведя себя в цивилизованный вид, пошли отмечать окончание похода, на этот раз — в "Жемчужину" (был такой летний ресторан в Аркадии).

Мой друг Эдик Сирота, которого я в том году впервые приобщил к туризму, пришёл с Бертой, своей давней знакомой (нашими правилами это допускалось). Вот тогда и проскочила та самая искра; как оказалось — взаимно.

Море, лунная дорожка, слабый шум прибоя... Никого вокруг мы уже не видели и не слышали. Не помню, где, удрав из ресторана, гуляли, взявшись за руки (не более того!), о чём говорили и не могли наговориться. Видимо, впервые оба почувствовали родство душ.

Придя в середине ночи к её дому, мы увидели положенный на ручку двери квартиры довольно большой по размеру ключ (в платье для ключа места не было, и Эдик, как истинный джентльмен, носил его в своём кармане). Сверху лежала записка: "Будьте счастливы!" — он всё понял. Это было нетрудно — на наших лицах всё читалось.

Потом мы встречались практически ежедневно, хотя Берта оканчивала последний курс института, предстояли зачёты и госэкзамены.

В июне я уехал в давно оформленную двухнедельную турпоездку в Чехословакию, звонил ей из каждого города, а в Праге и Братиславе получил её письма, отправленные до востребования. В Одессе Берта встретила меня на вокзале. Сойдя с трамвая, мы шли через Городской сад. Присели на скамейку, и я, предварительно не обсудив это с родителями, сделал ей предложение, принятое без единого слова.

Вечером мы поехали к морю. Сидели на скамейке у обрыва на 12-й станции Б. Фонтана, смотрели на лунную дорожку и, взявшись за руки, молчали — слова не были нужны.

Неожиданно сзади послышался шум, и нас окружила группа возбуждённых молодых парней. Мы успели вскопичить, и я немедленно получил сильный удар в челюсть.

Увидев, что два парня держат Берту за руки (без агрессии, аккуратно, но держат!), я замахнулся кулаком на ударившего меня рослого крепыша и услышал крик: "Миша, нож!" Чуть опустив глаза, я увидел приставленное к животу лезвие финки и усилием воли с трудом удержал занесенную для ответного удара руку.

Потом выяснилось, что местные ребята приняли меня за другого, "городского", обидевшего одного из них, и даже извинились. Так ли это было на самом деле — не знаю, но легче от этого не стало.

С трудом мы добрались до стоматологической клиники, где мне диагностировали полный перелом челюсти (врач сказал, что такой удар мог быть нанесён тренированным человеком и только каскетом). Берте пришлось ночью звонить из уличного телефона-автомата моим родителям, которые о её "ранге" новости ещё не знали...

В июле я заканчивал первый не только в моей конструкторской жизни, но и на всём заводе радиально-сверлильных станков очень серьёзный проект алмазно-расточного станка высокой точности и работал допоздна.

Бланк заявления в загс мы заполнили во время моего обещанного перерыва в комитете комсомола завода, и Берта, всё правильно поняв, как-то умудрилась с моим паспортом подать заявление сама.

Пятого августа 1962 г. мы поженились и прожили вместе 50 счастливых лет. Этот день ежегодно был одним из самых ярких и веселых наших праздников. Ко дню 40-летия свадьбы я написал:

*В шестьдесят втором году
Плохо знал, на что иду,
И как строится семья,
Представлял неважно я.*

*Было всё за сорок лет:
Много радостей и бед,
Много света и тепла
Жизнь нам вместе принесла.*

*Через множество годов
У меня рецепт готов:
Будут светлыми года,
Если вместе быть всегда —*

*Вместе в холод, вместе в зной,
Вместе в дождик проливной;*



*Легче ямы обойти,
Если рядом путь пройти.*

*И хоть быстро этот путь
Умудрилсь промелькнуть,
Рядом дочка, рядом внук;
К счастью, есть друзья вокруг.*

*Остается пожелать
Долго вместе путь держать,
И здоровыми нам быть,
И, как смолоду, любить!*

Эти пожелания сбывались много лет на радость нам и всем близким.

Пятого августа 2012 года должна была состояться наша "золотая свадьба". К сожалению, этот день впервые за пятьдесят лет уже не был таким радостным. Но об этом — позже.

Итак, началась наша совместная жизнь. Первый год Берта, получившая диплом учителя математики, не могла устроиться на постоянную работу. Еще на пятом курсе институтский преподаватель профессор Рутман оценил одну из её работ, положенную на студенческой научной конференции, как основу будущей диссертации. Он предложил Берте временную работу ассистента на руководимой им кафедре высшей математики гидрометеорологического института, и она проработала там более полугода.

Через некоторое время профессор, опустив глаза, рассказал Берте о своём разговоре с ректором, из которого стала ясной невозможность её перевода на постоянную работу из-за неблагозвучной фамилии.

И вдруг в 1963 году произошло чудо: в знаменитой не только в Одессе специализированной физико-математической школе № 116 неожиданно перед самым началом учебного года уволился учитель математики. Директор школы А.И. Кудинова, оказавшись в безвыходном положении, вынуждена была взять на работу в старших классах (а других в этой школе не было) недавнюю выпускницу института, внешне совсем девочку, без серьёзного опыта работы. Конечно, Алевтина Ивановна, светлая ей память, очень рисковала.

Первого сентября, за полчаса до звонка на первый урок, Берта с понятной робостью потихоньку заглянула в приоткрытую дверь выпускного класса, где ей предстояло стать не только учителем математики, но и классным руководителем. Ребята, многие из которых были выше её на голову, увидели хорошенькую девочку и закричали: "Новенькая? Давай, заходи, познакомимся!"

Берта благоразумно не вступила в дискуссию и после звонка, вооружившись классным журналом, с серьёзным выражением лица вошла в класс. Немую сцену можно не описывать.

Как ни странно, нормальные отношения со взрослыми учениками установились у неё практически сразу, хотя разница в возрасте между ней и ими была всего лет шесть — семь. У Берты было природённое умение владеть ученической (а потом — и любой) аудиторией без особых усилий.

Проблем с дисциплиной и вниманием учеников на уроке у неё с самого начала не было. Проиллюстрирую это курьёзным примером. В их школе преподавал астрономию отстав-

ной военно-морской офицер высокого ранга. Однажды в учительскую вбежала одна из коллег и крикнула Берте: "Бегите в свой класс, там творится что-то невообразимое!"

Берта поднялась на 4-й этаж и через приоткрытую дверь класса увидела, что её велико-возрастные ученики приподнимают коленями парты и дружно двигают их вперёд, загоняя в угол учительский стол вместе с сидящим за ним преподавателем. При этом их руки скромно сложены одна на другой, на лицах ангельское выражение, а через сомкнутые губы раздаётся дружное однотонное мычание. Преподаватель, привыкший в своей долгой офицерской жизни командовать коллективами военных моряков, растерянно и безуспешно пытается прекратить это безобразие.

Берта тихо раскрыла дверь и встала в её проёме без единого слова, скрестив руки на груди. Увлечённые ребята сначала её не заметили; потом стало испуганно звучать: "Берта, Берта!" — и парты задвигались в обратном направлении. Когда восстановилось первоначальное состояние, она спокойно спросила: "Всё? Успокоились? Надеюсь, что больше такое не повторится и вы меня не будете подводить". И действительно: они её больше не подводили.

Берта умела разрядить обстановку на уроке шуткой, иногда ненадолго отвлечь уставших учеников вроде бы несерьёзным неожиданным вопросом или конкурсом, создать ситуацию азарта, а потом успеть вернуться к основной теме.

В первые годы ей очень помогали осваивать профессию опытные коллеги — математики З.О. Гройслайт, М.Л. Духовная и другие замечательные учителя легендарной 116-й. Трудно переоценить доверие А.И. Кудиновой, которая поручила молоденькой учительнице очень ответственное дело — ежегодно готовить школьную команду на всесоюзные слёты физико-математических школ.

Берта организовывала общешкольные конкурсы по разным предметам. Конечно, их готовили (кроме математики) учителя других дисциплин — физики, химии, литературы, истории, биологии и др. Результаты конкурсов определяли победителей, из которых составлялась школьная команда, с которой Берта ездила на слёты.

В разные годы они побывали в Москве, Новосибирске, Ленинграде, Тбилиси, Горьком, Киеве и многих других городах, где были такие школы, по очереди проводившие всесоюзные слёты. Как правило, команда 116-й ежегодно привозила несколько дипломов за первые и другие призовые места.

В 116-й школе в основном учились отобранные по конкурсу неординарные дети, обладавшие повышенными способностями не только в области точных наук. Они были разносторонне развитыми, глубоко интересовались литературой, поэзией, историей, философией, иногда обладали завышенной самооценкой и поэтому зачастую задавали весьма непростые вопросы.

И Берта оказывалась на высоте. Она никогда не вралась своим ученикам, находила нужные слова и объяснения. Факт, что до самого последнего времени эти уже давно взрослые и, как правило, серьёзно состояв-

шиеся люди тянулись к ней. Приезжая из разных стран и континентов, они обязательно собирались, встречались с ней, и она получала от этих встреч — с объятиями, цветами, поздравлениями, воспоминаниями — огромное удовольствие.

После возмутительного расформирования в 1980 г. под надуманным предлогом этой замечательной школы Берта работала в школе № 43, а потом, с 1993 г., в одной из самых лучших школ города — гимназии № 2 с углублённым изучением иностранных языков.

В этой сугубо гуманитарной гимназии Берта, заведующая кафедрой естественно-математических наук, смогла поставить изучение математики достаточно высоко. Её ученики занимали призовые места на олимпиадах разного уровня, успешно поступали в самые престижные вузы, в том числе и на факультеты математического профиля.

Авторитет Берты был высок не только в гимназии. Много лет она руководила объединением учителей математики Жовтневого, а затем и укрупнённого Приморского района, где проводила с ними большую методическую работу.

Берта была бессменной участницей (а иногда — фактическим руководителем) жюри районных, городских и областных олимпиад по математике, конкурсов "Учитель года", активно сотрудничала с отделом математики Института усовершенствования учителей, занималась Малой академией наук при госуниверситете.

Она была награждена Почётным знаком отличия одесского городского головы "Трудовая слава", Почётным знаком председателя Одесской облгосадминистрации. Ей были присуждены звания "Отличник образования Украины" и "Лучший педагогический работник Одессы".

Учитывая большое количество её выпускников, занимавших престижные места на международных и республиканских олимпиадах по математике, ставших докторами и кандидатами наук, написавших монографии и учебники, а также принимая во внимание её собственные оригинальные методические разработки, Берта дважды была удостоена международных грантов Джорджа Сороса.

Но всё это — внешняя атрибутика, хотя и свидетельствующая о её заслугах. Не менее, а возможно, и более важно отношение к ней коллег и учеников. Выпускники все годы приходили к ней и в школу, и домой с разными своими делами — и радостями, и проблемами. Они докладывали, как и в какой институт поступили, советовались по самым разным вопросам, приводили невест (женехов почему-то реже), приводили в колясках новорожденных детей, приносили написанные работы, книги и авторефераты диссертаций. Наконец, приводили к ней учиться своих детей. И так было в течение всех пятидесяти лет её работы.

Когда одна из её любимых учениц Ольга Цейтлин написала школьный учебник по математике, первым придирчивым критиком и внимательным редактором (не официальным, а фактическим) была Берта.

Со своими семейными и этическими проблемами часто шли к ней не только ученики и выпускники, но и их родители и коллеги по работе, причём не только из её гимназии.

Берта была прекрасной женой, замечательной матерью и бабушкой, дождалась правнука и с удовольствием участвовала в праздновании, когда ему исполнился год.

Думаю, что такой авторитет Берты был не случаен. Она была неординарным человеком и сильной личностью, сформировавшей себя сама и подтвердившей это всей своей жизнью.

В двухлетнем возрасте она была вывезена под бомбежкой из Одессы 26-летней матерью-врачом. Отец Берты Е.Ш. Кельштейн, хирург, имевший бронь из-за болезни сердца, в первые дни войны добровольно ушёл на фронт, считая, что хирург должен быть там. Он погиб в 1941 г. под Вознесенском, спасая в полевом госпитале тяжёло раненого, истекшего кровью на операционном столе во время налёта немецкой авиации.

Хирург приказал ассистировавшим ему медикам уйти в укрытие, а сам остался заканчивать операцию, чтобы не допустить смерти больного. Когда налёт закончился, вернувшись медики обнаружили ещё не вышедшего из наркоза больного с остановленным кровотечением, а хирург лежал на полу мёртвым без видимых внешних повреждений. Просто отказало сердце; не зря он имел бронь.

С юности Берта хотела стать учителем. Окончив школу с медалью, она подала документы в пединститут, но не прошла собеседование. Отказавшись от реальной возможности поступить в том же году без экзаменов в технический вуз, она стала работать упаковщицей готовой продукции на фабрике биогенных стимуляторов.

В следующем году она вновь подала документы в пединститут, поступила и была там одной из лучших студенток. Так что целеустремлённость смолоду была одним из её ярких качеств.

Берта всегда была лидером: председателем совета пионерского отряда, вожатой,

членом комитета комсомола школы, членом комсомольского бюро факультета. Главные черты Берты-лидера — принципиальность и неравнодушие к людям и порученному делу. Была прямой, иногда бескомпромиссной, но всегда справедливой. Если обстоятельства требовали, могла быть жёсткой, хотя это бывало нечасто.

А в обычной жизни это был добрый (но не добренький!), отзывчивый, дружелюбный человек. Ответственность и требовательность проявляла в первую очередь по отношению к самой себе. Доброта часто маскировалась внешней твёрдостью, но самоотверженность видна была невооружённым глазом.

Берта прожила непростую жизнь. Ей пришлось пережить трагическую смерть любимого младшего брата, тяжёлые и длительные болезни самых близких ей людей и многие другие горести. Но она всегда оставалась верной себе, своим жизненным принципам, своему характеру, не допуская фальши, нечестности, эгоизма.

Последние годы она героически (не побоюсь этого слова) боролась с прогрессирующей неизлечимой болезнью. Очень поддерживала её в этой борьбе увлечённость работой, без которой она себя не представляла. Еще в первой половине июля этого года она две недели замещала директора гимназии, потому что еще весной обещала дать ему возможность поехать в санаторий, и запретила нам говорить коллегам об обострении своей болезни. А она уже ходила с большим трудом...

Мечтала первого сентября выйти на работу, чтобы выпустить два любимых одиннадцатых класса, которые вела до этого два года.

По отношению к членам семьи и самым близким друзьям она проявляла наряду с огромной любовью настоящее самопожертвование, большую заботу и ответственность. Берта регулярно напоминала и требовала вовремя пойти к врачу, провести обследование, необходимое лечение и обязательно это контролировала.

Из последних сил она занималась приобретением подарков ко всем нашим знаменательным датам и организовывала их празднование.

Занималась с детьми и внуками наших друзей, готовила их к поступлению в институты, помогала в занятиях, переживала за устройство их личной жизни. Во многом благодаря Берте очень близко дружим не только мы, но и наши дети и внуки; другое такое уникальное сообщество мне неизвестно. В сущности, мы давно стали одной семьёй, хоть большинство из нас — не кровные родственники.

Когда Берта попала в реанимационное отделение, она понимала, что каждый день может быть последним. А в эти дни должна была появиться на свет правнучка наших самых близких друзей, сына и двух внуков которых она не только учила, но и справедливо считала своими детьми. Каждый день, приходя ненадолго в сознание, она спрашивала, родилась ли девочка. Казалось, она не хотела, чтобы день её ухода совпал с днем рождения ребёнка. Берта дождалась этого радостного события и умерла только на следующий день. Скажете — мистика? Может быть, не знаю. Но точно — сильная воля и привычка заботиться о близких.

24 августа 2012 года Берты Ефимовны Гаузер не стало. Попрощаться с ней во дворе гимназии пришли несколько сотен человек — родных, друзей, коллег, выпускников, учеников и их родителей. Как говорили потом многие из них, такого искреннего, многолюдного и трогательно оформленного прощания люди не помнят. Большинство присутствовавших плакали; завул гимназии, выступавшая от имени коллектива, от слёз не могла говорить. Рыдали и дети, и взрослые. Я видел, как шестидесятилетний мужчина, бывший ученик

Берты, сын и дочь которого тоже учились у неё, плакал навзрыд.

Многие выступавшие говорили, что смерть Берты Ефимовны — потеря не только для гимназии, но и для всего города, так много добра она сделала для очень многих людей.

По телефону и Интернету со мной связывались и выражали соболезнования десятки друзей и родственников из разных стран и континентов. По образному выражению одного из её выпускников, "Интернет гудел". Казалось, весь мир скорбил об её уходе.

Не хочется заканчивать этот рассказ на такой грустной ноте.

Берта любила жизнь и умела радоваться ей — не восторгаться шумно и эмоционально, а именно радоваться, и это выражали, прежде всего, её глаза. Я видел их в течение всей нашей долгой жизни: когда в Крыму, на перевале у Чатыр-Дага, мы неожиданно вышли к небольшой полянке, сплошь усеянной мелкими фиалками; когда тихо пели у догорающего костра (она сама не пела никогда) и смотрели на перебегающие по углям огоньки; когда плыли на лодке по протокам и озёрам Игналы, среди белых лилий и кувшинок; когда сидели среди сосен на песчаных дюнах в тихих немногочисленных местах на Рижском взморье; когда ранним утром после случайной ночёвки на опушке леса она откидывала полог палатки и обнаруживала на траве капельки росы; когда мы любовались Ленинградом в белые ночи, или деревянными храмами в Кижях, или волжскими плёсами; или часами гуляли по лесу, собирая багряные листья; или сидели на берегу Днестровского лимана и смотрели на заходящее солнце, или перебирали кусочки разноцветной яшмы в Сердоликовой бухте под Кара-Дагом; или смотрели с перевала на подёрнутые дымкой предвечерние Карпаты. Об этом можно вспоминать бесконечно.

Её глаза — первое, что я видел, выходя из наркоза на больничных койках после нескольких операций в разные годы.

Вспоминаю её глаза, когда она смотрела на первые шаги нашей дочери, потом — внука, а совсем недавно — уже в этом году — правнучка. А когда общалась с друзьями — в застольях, которые с удовольствием и выдумкой организовывала, в многочисленных поездках, в нескончаемых разговорах на самые разные темы, она преображалась и становилась опять другой, оставаясь при этом всегда самой собой — нашей Бертой. Моей Бертой...

Жизнь продолжается, придут новые молодые учителя, которые будут учить детей, а потом их выпускники будут приводить к ним своих детей.

Каждый год 1 сентября будет проводиться торжественная линейка, которая всегда была для Берты волнующим событием. А весной будут праздновать последний звонок, и маленькая девочка с огромным бантом будет радостно трезвонить колокольчиком на плечах рослого выпускника. И будут выпускные вечера, организации которых Берта отдавала столько душевных сил. И новые поколения будут встречать восход солнца...

Берта будет жить в памяти нашей замечательной дочери Лены — прекрасного врача, много лет продлевавшей её жизнь и облегчавшей её последние дни. О ней всегда будут тепло вспоминать трепетно любивший её внук Павел и все наши дорогие друзья разных поколений. Когда подрастёт наш правнук, ему тоже расскажут о прабабушке Берте.

Наверное, я, как муж, необъективен и что-то преувеличил. А может быть, недосказал, и люди, знавшие Берту, смогли бы дополнить мой рассказ другими словами, мыслями, чувствами.

Уверен в одном: Берта будет жить в наших сердцах и сердцах многих других людей столько, сколько будем жить мы. А значит, и её жизнь продолжится.



Бабушка с внуком

Мария ГУДЫМА

"Ваши плечи каррарского мрамора..."

Спасибо Одесскому муниципальному музею личных коллекций, организовавшему проект "Моя молодая бабушка", к которому я радостно примкнула, принесла несколько старых фотографий и сумочку-ридикюль. Одесские бабушки поистине достойны быть представленными в музеях, это поняли все, кто посетил экспозицию в нынешнем мае — июне. Признаюсь, я никогда не видела мою бабушку молодой — она родила мою маму достаточно поздно и была уже старенькой, впрочем, далеко не дряхлой, а крепкой и статной. Ее коронное блюдо, пирог "Кольцо", который сотворила она из брусков вареного крема (да-да!) в форме "Чудо" на примусе, а затем на электроплитке в коммунальной квартире без кухни, по вкусу превосходил любые бисквиты. А еще он был красив, как и она сама.

Я никогда не видела и, думаю, уже не увижу женщину, превосходящую красотой мою бабушку в молодости. Мраморные плечи, идеальной формы подбородок, крупные изогнутые губы, прямой носик, каштановые слегка выющиеся волосы, глаза серые в карюю крапинку (как у голливудской звезды Милы Йовович) — словами это уникальное сочетание черт, сложившихся в идеальный типаж женщины двадцатых — тридцатых годов, не передать. Передают несколько пожелтевших, но зато отменного качества старых фотографий. Их мало. Другая бы на ее месте только и делала, что фотографировалась. Или даже вообще стала бы кинозвездой. Но моя бабушка никогда не делала ставку на свою внешность, может быть, напрасно...

Обладая телом античной лепки, она получила греческое имя — Лидия. Лидия Андреевна Демишкан. Родилась в 1901 году, прожила 83 года, как все в нашем роду. Имя греческое, а греческих кровей не было, хотя могли бы быть, ведь к прабабушке Мане, Марии Ивановне Теслюченко сватался богатый грек-купец, но ведь она предпочла прадедушку Андрея Саввича Демишкана, простого вдовца-счетовода с дочерью от первого брака. Вот аристократическая красота у их пятерых детей была именно от него. В крахмальном воротничке и с подкрученными пушистыми усами он смотрелся, как Мопассан, только лучше. По его словам, в нашем роду были французы.

Если бы бабушку Лиду отдали в гимназию, она бы выучила язык своих предков. Но, увы, в гимназию отдали ее старшую сестру, а на нее как-то денег не хватало, а потом и революция грянула. Прабабушка Маня продавала вначале вышитые скатерти из своего приданого, потом свои платья, потом вещи детей, и в самую последнюю очередь — костюмы мужа. Дети с малых лет старались ей помочь, бабушка Лида, здоровая, крепкая и работящая, батрачила у зажиточных евреев и вместо французского в совершенстве выучила идиш. Разговорный, разумеется. По-русски она едва умела читать. Однако знала, как отшить назойливого кавалера, сообщив ему, что он герой не ее романа. А вообще-то речь у нее была, как у бабелевского персонажа: "билё", "веровка", "имейте человечество" и так далее... Еще одно ее крылатое выражение: "Подмыться им до меня (него, нее, них — ненужное зачеркнуть, — М. Г.)". Так вот, всем этим хваленым кинозвездам двадцатого века с их фальшивой красотой и фарфоровыми зубами подмыться было до моей бабушки! Просто она всегда оказывалась не в тех местах и не в то время.

В браке с не менее красивым, но гораздо более коварным дедушкой Петей, Петром Ильичом Гудымой, бабушка родила двух красавиц-дочерей, моих тетю Валу и маму Лену. Причем маму рожала она во время оккупации, дома, без врачей, при помощи соседки. Чтобы прокормиться, убирала и готовила, в том числе и для оккупантов, пусть за это краснею те, кто дал приказ оставить Одессу с беззащитными беременными женщинами. Прдала все, что успела нашить, в том числе и лисью горжетку, оставшуюся только на одной из фотографий.

Дедушка с войны в семью не вернулся, так что хлебнула по полной. Более того — дед



отказался признавать себя отцом моей мамы со всеми вытекающими отсюда печальными обстоятельствами, и это при том, что мама похожа на него до смешного, и генетической экспертизы не надобно. Впрочем, справедливость в какой-то степени возмездием: буквально перед своей смертью дед сделал попытку примирения, бросился к маме при куче родственников, называл доченькой, но она так и не смогла шагнуть ему навстречу, ей казалось, это будет предательством бабушкиной памяти... Легко говорить, что надо уметь прощать, но как понять человека, угрожавшего жене с двумя дочками сдать ее в сигуранцу, если она будет настаивать на алиментях? А именно так дед Петя прореагировал на бабушкины просьбы, когда она во время оккупации встретила его, вроде бы ушедшего на фронт, в рыбном ряду "Привоза" с новой супругой (дед был рыбаком и продавал улов). Так что дедушке спасибо за гены, и пусть покоится с миром, он сам себя наказал за совершенное. О нем более ни слова.

Бабушка трудилась банщицей много лет в уже не существующей бане на Гаванной, у самого спуска, там мылся практически весь центр города. И мрамор ее плеч соперничал с мрамором уникальных ванн (где они теперь, эти ванны?), которые драила она до блеска. А однажды зимой поскользнулась на льду и сломала правую руку. По больничным листам в конце сороковых не платили, так что пришлось продать из дома все до последней табуретки. И, разумеется, несколько красивых креп-жоржетовых и кашемировых платьев, которые успела себе справиться после войны. А больше нарядов у нее не было. И мужей тоже. Видно, любила своего Петю крепко (ну снова о нем, из песни слова не выкинешь), поскольку до конца жизни вспоминала его, называя не иначе, как "этот гнусный паразит". Ну сколько страсти в этом определении, согласитесь. Память сыграла с ней забавную штуку. Она, бывало, говаривала: "Пришел вечером домой, уложили детей, поужинали, поцеловались, легли спать..." И словно забывала в этот момент, что никогда, ни разу они вместе не укладывали спать ДЕТЕЙ, только старшую дочь Валеньку, мою тетю, появившуюся на свет до войны...

Поскольку бабушка, будучи Скорпионом по Зодику, обожала все натуральное, добротное, до меня дошла ее сумочка-ридикюль из натуральной кожи, купленная в пятидесятых. Слегка потертая, еще хранящая тепло бабушкиных рук, эта сумочка иногда бывает со мной в театрах. И в экспозиции музея Блещунова побывала. Может быть, кто-то посмеется над таким наследством, но что до этого мне, внучке самой красивой женщины на свете?

членом комитета комсомола школы, членом комсомольского бюро факультета. Главные черты Берты-лидера — принципиальность и неравнодушие к людям и порученному делу. Была прямой, иногда бескомпромиссной, но всегда справедливой. Если обстоятельства требовали, могла быть жёсткой, хотя это бывало нечасто.

А в обычной жизни это был добрый (но не добренький!), отзывчивый, дружелюбный человек. Ответственность и требовательность проявляла в первую очередь по отношению к самой себе. Доброта часто маскировалась внешней твёрдостью, но самоотверженность видна была невооружённым глазом.

Берта прожила непростую жизнь. Ей пришлось пережить трагическую смерть любимого младшего брата, тяжёлые и длительные болезни самых близких ей людей и многие другие горести. Но она всегда оставалась верной себе, своим жизненным принципам, своему характеру, не допуская фальши, нечестности, эгоизма.

Последние годы она героически (не побоюсь этого слова) боролась с прогрессирующей неизлечимой болезнью. Очень поддерживала её в этой борьбе увлечённость работой, без которой она себя не представляла. Еще в первой половине июля этого года она две недели замещала директора гимназии, потому что еще весной обещала дать ему возможность поехать в санаторий, и запретила нам говорить коллегам об обострении своей болезни. А она уже ходила с большим трудом...

Мечтала первого сентября выйти на работу, чтобы выпустить два любимых одиннадцатых класса, которые вела до этого два года.

По отношению к членам семьи и самым близким друзьям она проявляла наряду с огромной любовью настоящее самопожертвование, большую заботу и ответственность. Берта регулярно напоминала и требовала вовремя пойти к врачу, провести обследование, необходимое лечение и обязательно это контролировала.

Из последних сил она занималась приобретением подарков ко всем нашим знаменательным датам и организовывала их празднование.

Занималась с детьми и внуками наших друзей, готовила их к поступлению в институты, помогала в занятиях, переживала за устройство их личной жизни. Во многом благодаря Берте очень близко дружим не только мы, но и наши дети и внуки; другое такое уникальное сообщество мне неизвестно. В сущности, мы давно стали одной семьёй, хоть большинство из нас — не кровные родственники.

Когда Берта попала в реанимационное отделение, она понимала, что каждый день может быть последним. А в эти дни должна была появиться на свет правнучка наших самых близких друзей, сына и двух внуков которых она не только учила, но и справедливо считала своими детьми. Каждый день, приходя ненадолго в сознание, она спрашивала, родилась ли девочка. Казалось, она не хотела, чтобы день её ухода совпал с днем рождения ребёнка. Берта дождалась этого радостного события и умерла только на следующий день. Скажете — мистика? Может быть, не знаю. Но точно — сильная воля и привычка заботиться о близких.

24 августа 2012 года Берты Ефимовны Гаузер не стало. Попрощаться с ней во дворе гимназии пришли несколько сотен человек — родных, друзей, коллег, выпускников, учеников и их родителей. Как говорили потом многие из них, такого искреннего, многолюдного и трогательно оформленного прощания люди не помнят. Большинство присутствовавших плакали; завул гимназии, выступавшая от имени коллектива, от слёз не могла говорить. Рыдали и дети, и взрослые. Я видел, как шестидесятилетний мужчина, бывший ученик

Берты, сын и дочь которого тоже учились у неё, плакал навзрыд.

Многие выступавшие говорили, что смерть Берты Ефимовны — потеря не только для гимназии, но и для всего города, так много добра она сделала для очень многих людей.

По телефону и Интернету со мной связывались и выражали соболезнования десятки друзей и родственников из разных стран и континентов. По образному выражению одного из её выпускников, "Интернет гудел". Казалось, весь мир скорбил об её уходе.

Не хочется заканчивать этот рассказ на такой грустной ноте.

Берта любила жизнь и умела радоваться ей — не восторгаться шумно и эмоционально, а именно радоваться, и это выражали, прежде всего, её глаза. Я видел их в течение всей нашей долгой жизни: когда в Крыму, на перевале у Чатыр-Дага, мы неожиданно вышли к небольшой полянке, сплошь усеянной мелкими фиалками; когда тихо пели у догорающего костра (она сама не пела никогда) и смотрели на перебегающие по углям огоньки; когда плыли на лодке по протокам и озёрам Игналы, среди белых лилий и кувшинок; когда сидели среди сосен на песчаных дюнах в тихих немногочисленных местах на Рижском взморье; когда ранним утром после случайной ночёвки на опушке леса она откидывала полог палатки и обнаруживала на траве капельки росы; когда мы любовались Ленинградом в белые ночи, или деревянными храмами в Кижях, или волжскими плёсами; или часами гуляли по лесу, собирая багряные листья; или сидели на берегу Днестровского лимана и смотрели на заходящее солнце, или перебирали кусочки разноцветной яшмы в Сердоликовой бухте под Кара-Дагом; или смотрели с перевала на подёрнутые дымкой предвечерние Карпаты. Об этом можно вспоминать бесконечно.

Её глаза — первое, что я видел, выходя из наркоза на больничных койках после нескольких операций в разные годы.

Вспоминаю её глаза, когда она смотрела на первые шаги нашей дочери, потом — внука, а совсем недавно — уже в этом году — правнучка. А когда общалась с друзьями — в застольях, которые с удовольствием и выдумкой организовывала, в многочисленных поездках, в нескончаемых разговорах на самые разные темы, она преображалась и становилась опять другой, оставаясь при этом всегда самой собой — нашей Бертой. Моей Бертой...

Жизнь продолжается, придут новые молодые учителя, которые будут учить детей, а потом их выпускники будут приводить к ним своих детей.

Каждый год 1 сентября будет проводиться торжественная линейка, которая всегда была для Берты волнующим событием. А весной будут праздновать последний звонок, и маленькая девочка с огромным бантом будет радостно трезвонить колокольчиком на плечах рослого выпускника. И будут выпускные вечера, организации которых Берта отдавала столько душевных сил. И новые поколения будут встречать восход солнца...

Берта будет жить в памяти нашей замечательной дочери Лены — прекрасного врача, много лет продлевавшей её жизнь и облегчавшей её последние дни. О ней всегда будут тепло вспоминать трепетно любивший её внук Павел и все наши дорогие друзья разных поколений. Когда подрастёт наш правнук, ему тоже расскажут о прабабушке Берте.

Наверное, я, как муж, необъективен и что-то преувеличил. А может быть, недосказал, и люди, знавшие Берту, смогли бы дополнить мой рассказ другими словами, мыслями, чувствами.

Уверен в одном: Берта будет жить в наших сердцах и сердцах многих других людей столько, сколько будем жить мы. А значит, и её жизнь продолжится.



Бабушка с внуком

Мария ГУДЫМА

"Ваши плечи каррарского мрамора..."

Спасибо Одесскому муниципальному музею личных коллекций, организовавшему проект "Моя молодая бабушка", к которому я радостно примкнула, принесла несколько старых фотографий и сумочку-ридикюль. Одесские бабушки поистине достойны быть представленными в музеях, это поняли все, кто посетил экспозицию в нынешнем мае — июне. Признаюсь, я никогда не видела мою бабушку молодой — она родила мою маму достаточно поздно и была уже старенькой, впрочем, далеко не дряхлой, а крепкой и статной. Ее коронное блюдо, пирог "Кольцо", который сотворила она из брусков вареного крема (да-да!) в форме "Чудо" на примусе, а затем на электроплитке в коммунальной квартире без кухни, по вкусу превосходил любые бисквиты. А еще он был красив, как и она сама.

Я никогда не видела и, думаю, уже не увижу женщину, превосходящую красотой мою бабушку в молодости. Мраморные плечи, идеальной формы подбородок, крупные изогнутые губы, прямой носик, каштановые слегка выющиеся волосы, глаза серые в карюю крапинку (как у голливудской звезды Милы Йовович) — словами это уникальное сочетание черт, сложившихся в идеальный типаж женщины двадцатых — тридцатых годов, не передать. Передают несколько пожелтевших, но зато отменного качества старых фотографий. Их мало. Другая бы на ее месте только и делала, что фотографировалась. Или даже вообще стала бы кинозвездой. Но моя бабушка никогда не делала ставку на свою внешность, может быть, напрасно...

Обладая телом античной лепки, она получила греческое имя — Лидия. Лидия Андреевна Демишкан. Родилась в 1901 году, прожила 83 года, как все в нашем роду. Имя греческое, а греческих кровей не было, хотя могли бы быть, ведь к прабабушке Мане, Марии Ивановне Теслюченко сватался богатый грек-купец, но ведь она предпочла прадедушку Андрея Саввича Демишкана, простого вдовца-счетовода с дочерью от первого брака. Вот аристократическая красота у их пятерых детей была именно от него. В крахмальном воротничке и с подкрученными пушистыми усами он смотрелся, как Мопассан, только лучше. По его словам, в нашем роду были французы.

Если бы бабушку Лиду отдали в гимназию, она бы выучила язык своих предков. Но, увы, в гимназию отдали ее старшую сестру, а на нее как-то денег не хватило, а потом и революция грянула. Прабабушка Маня продавала вначале вышитые скатерти из своего приданого, потом свои платья, потом вещи детей, и в самую последнюю очередь — костюмы мужа. Дети с малых лет старались ей помочь, бабушка Лида, здоровая, крепкая и работящая, батрачила у зажиточных евреев и вместо французского в совершенстве выучила идиш. Разговорный, разумеется. По-русски она едва умела читать. Однако знала, как отшить назойливого кавалера, сообщив ему, что он герой не ее романа. А вообще-то речь у нее была, как у бабелевского персонажа: "билё", "веровка", "имейте человечество" и так далее... Еще одно ее крылатое выражение: "Подмыться им до меня (него, нее, них — ненужное зачеркнуть, — М. Г.)". Так вот, всем этим хваленым кинозвездам двадцатого века с их фальшивой красотой и фарфоровыми зубами подмыться было до моей бабушки! Просто она всегда оказывалась не в тех местах и не в то время.

В браке с не менее красивым, но гораздо более коварным дедушкой Петей, Петром Ильичом Гудымой, бабушка родила двух красавиц-дочерей, моих тетю Валю и маму Лену. Причем маму рожала она во время оккупации, дома, без врачей, при помощи соседки. Чтобы прокормиться, убирала и готовила, в том числе и для оккупантов, пусть за это краснеют те, кто дал приказ оставить Одессу с беззащитными беременными женщинами. Прдала все, что успела нашить, в том числе и лисью горжетку, оставшуюся только на одной из фотографий.

Дедушка с войны в семью не вернулся, так что хлебнула по полной. Более того — дед



отказался признавать себя отцом моей мамы со всеми вытекающими отсюда печальными обстоятельствами, и это при том, что мама похожа на него до смешного, и генетической экспертизы не надобно. Впрочем, справедливость в какой-то степени возмездием: буквально перед своей смертью дед сделал попытку примирения, бросился к маме при куче родственников, называл доченькой, но она так и не смогла шагнуть ему навстречу, ей казалось, это будет предательством бабушкиной памяти... Легко говорить, что надо уметь прощать, но как понять человека, угрожавшего жене с двумя дочками сдать ее в сигуранцу, если она будет настаивать на алиментях? А именно так дед Петя прореагировал на бабушкины просьбы, когда она во время оккупации встретила его, вроде бы ушедшего на фронт, в рыбном ряду "Привоза" с новой супругой (дед был рыбаком и продавал улов). Так что дедушке спасибо за гены, и пусть покоится с миром, он сам себя наказал за совершенное. О нем более ни слова.

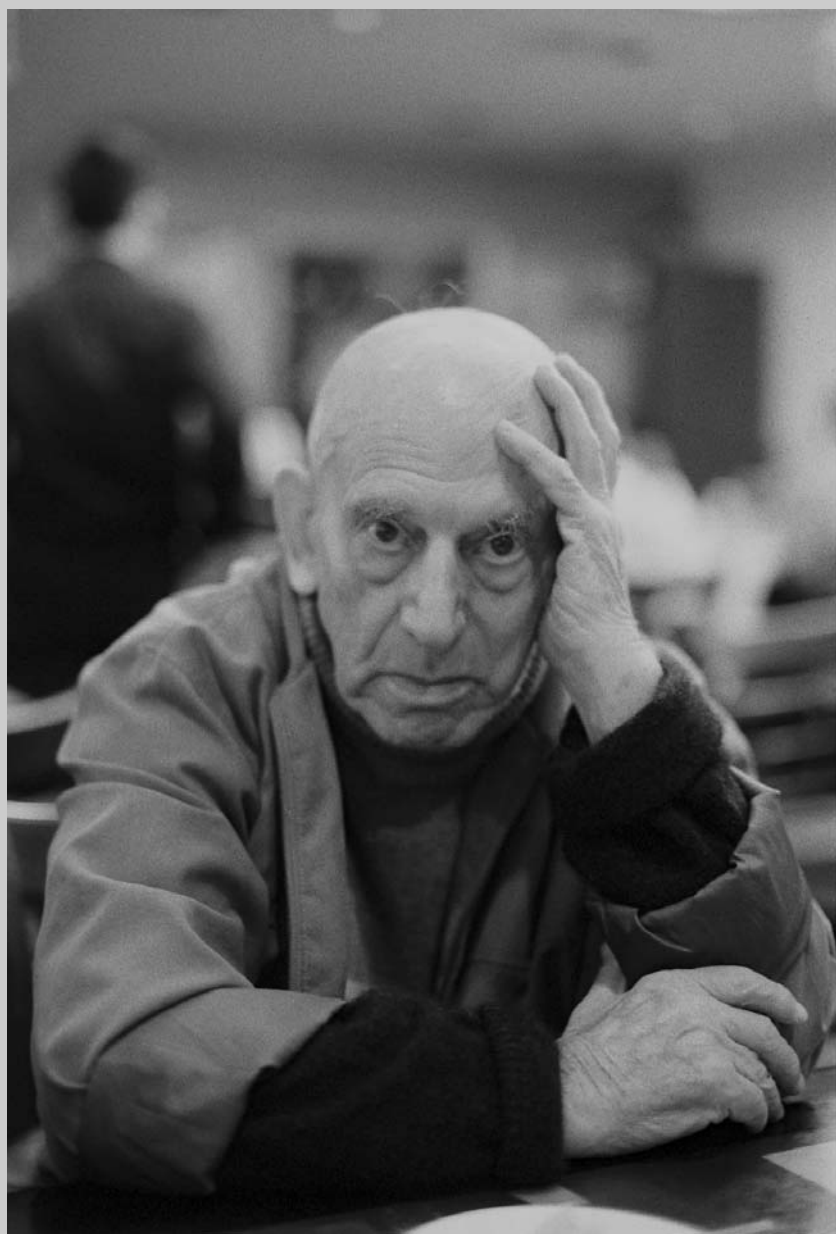
Бабушка трудилась банщицей много лет в уже не существующей бане на Гаванной, у самого спуска, там мылся практически весь центр города. И мрамор ее плеч соперничал с мрамором уникальных ванн (где они теперь, эти ванны?), которые драила она до блеска. А однажды зимой поскользнулась на льду и сломала правую руку. По больничным листам в конце сороковых не платили, так что пришлось продать из дома все до последней табуретки. И, разумеется, несколько красивых креп-жоржетовых и кашемировых платьев, которые успела себе справиться после войны. А больше нарядов у нее не было. И мужей тоже. Видно, любила своего Петю крепко (ну снова о нем, из песни слова не выкинешь), поскольку до конца жизни вспоминала его, называя не иначе, как "этот гнусный паразит". Ну сколько страсти в этом определении, согласитесь. Память сыграла с ней забавную штуку. Она, бывало, говаривала: "Пришел вечером домой, уложили детей, поужинали, поцеловались, легли спать..." И словно забывала в этот момент, что никогда, ни разу они вместе не укладывали спать ДЕТЕЙ, только старшую дочь Валеньку, мою тетю, появившуюся на свет до войны...

Поскольку бабушка, будучи Скорпионом по Зодику, обожала все натуральное, добротное, до меня дошла ее сумочка-ридикюль из натуральной кожи, купленная в пятидесятых. Слегка потертая, еще хранящая тепло бабушкиных рук, эта сумочка иногда бывает со мной в театрах. И в экспозиции музея Блещунова побывала. Может быть, кто-то посмеется над таким наследством, но что до этого мне, внучке самой красивой женщины на свете?

Одесские художники



Валерий Басанец

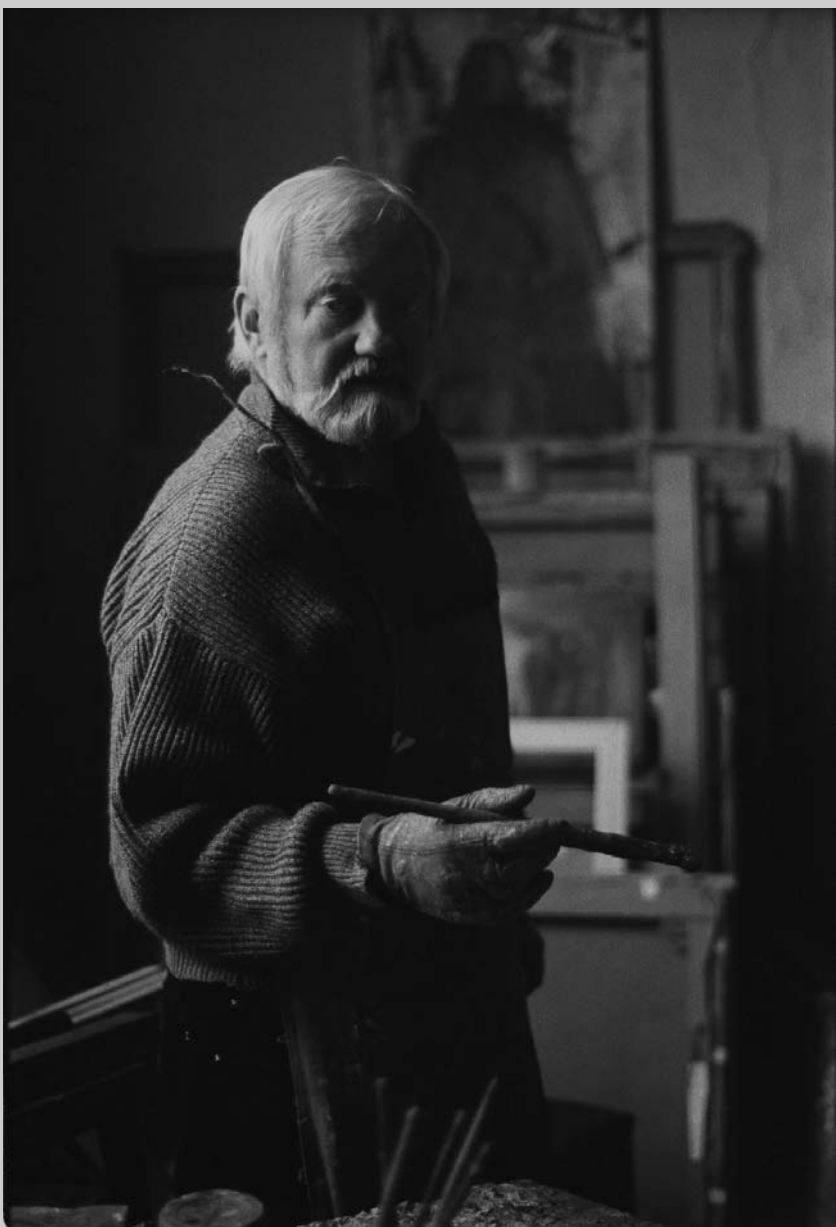


Илья Шенкер



Игорь Божко

Фото Анны Голубовской



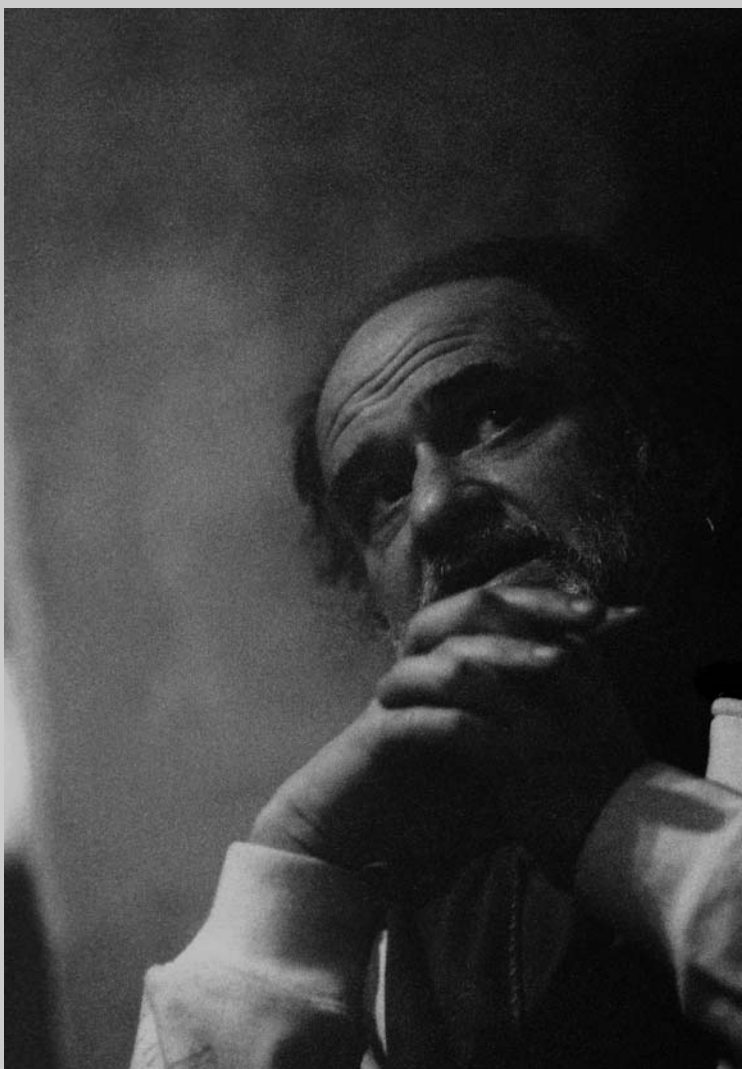
Серафим Чаркин



Александр Рихтер



Наталья Лоза и Ольга Разинкина



Александр Ройтбурд

Нина АЛОВЕРТ

Первая "ласточка" перестройки

Нью-Йорк. Осень 1986 года. На одной из улиц в районе, который теперь называется Tri Be Ca, стоят, обнявшись, иммигрант из России режиссер Лев Шехтман и драматург из Москвы Григорий Горин — своего рода символ начавшейся в России "перестройки".

Лев Шехтман окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, в 1978 году уехал в Америку. В Нью-Йорке он, как и многие представители творческой интеллигенции "третьей волны" эмиграции, начал заниматься своим делом и довольно быстро вошел в театральный мир Америки. В 1980 году создал свою американскую труппу — явление само по себе уникальное. В 1981-м театральная труппа сыграла первую премьеру в снятом для этого случая помещении. Затем режиссер и актеры своими руками "построили" театральный зал на одной из улиц рядом с Canal Street. Там и работал до 1990 года "Theater in Action" Льва Шехтмана.

В 1986 году Шехтман прочитал в журнале "Театр" пьесу Григория Горина "Дом, который построил Свифт" и загорелся идеей поставить пьесу. Сам Лев, как иммигрант, а потому — "враг народа", в Москву звонить не стал. По его просьбе одна из актрис его труппы обратилась в журнал "Театр" с вопросом: "Нет ли английского перевода пьесы, и нельзя ли получить эту пьесу для постановки?" Из Москвы незамедлительно, одна за другой, пришли пять телеграмм: "Есть несколько переводов пьесы! Пожалуйста, ставьте!"

И прислали перевод, а с ним и драматурга (в составе писательской делегации). Драматург, придя в театр, слегка растерялся. И по-

звонил в посольство (не удивляйтесь, никто еще не понимал ситуацию). "Видите ли, — начал Горин, не зная, как подобрать нужные слова, — здесь режиссер из бывших наших... ну, из эмигрантов..." "Ну и черт с ним", — ответили из посольства. Пьесу приняли к постановке, драматурга еще раз вызвали из Москвы на премьеру. Горин летел в Нью-Йорк на этот раз вместе с Шеварднадзе, Даниловым (американским журналистом, отпущенным на свободу) и телевизионной группой программы "Время". Работники телевидения говорили Горину: "Мы придем снимать премьеру!"

"Понимаете, ребята, — отвечал смущенно Горин, — режиссер — из эмигрантов". "Ну и что, — ликовали телевизионщики, — у нас сейчас другие времена, нам все можно!" Но на спектаклях телевизионная группа не появилась.

После премьеры журналист из престижного журнала "Vanity Fair" брал интервью у драматурга и постановщика. Горин попросил корреспондента не очень подчеркивать то обстоятельство, что Шехтман — эмигрант из России. "Хорошо", — сказал журналист. И материал в журнале напечатан не был: нельзя указывать американскому журналисту, о чем ему писать, о чем не писать...

А спектакль получился прекрасным. Даже посмотрев позднее фильм Марка Захарова, снятый по этой (считаю, самой замечательной) пьесе Горина, я нашла, что многие человеческие и политические аспекты пьесы Шехтман выявил тоньше.

Фотография была сделана в дни премьеры на улице, под вывеской с названием театра. Шехтман и Горин оставались в самых тесных дружеских отношениях с 1986 года до смерти Горина в 2000 году.

Я встречалась потом с Гришей Гориним и в Нью-Йорке, и в России. Однажды, приехав в Москву, я пришла в гости к Горину. Мы пили чай, как полагаются, на кухне. На столе стояла ваза с зефиром. "Что же ты не ешь зефир, — волновался Гриша, — я за ним специально ут-ром в очереди стоял!" Это были 90-е годы...

Я оставалась верным зрителем "Theater in Action" до 1990 года, когда в силу возникших экономических проблем труппа прекратила свое существование.

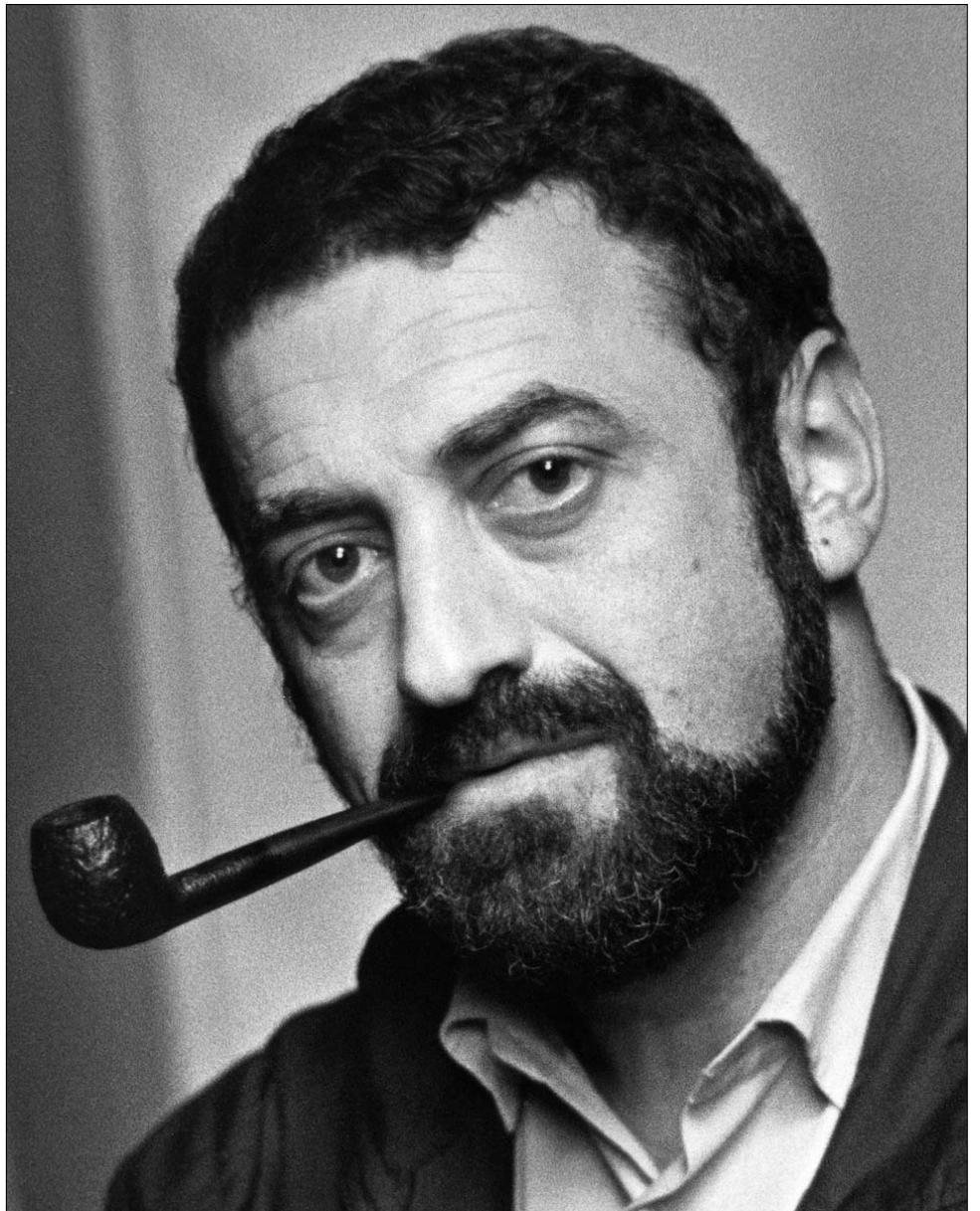


Фото Нины Аловерт

Галина ВОЛИНА

И вновь про любовь

О ПОСЛЕДНЕМ ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ ИГОРЯ ПОТОЦКОГО

С годами самобытный, всегда узнаваемый поэтический язык Игоря Потоцкого, как у всех истинных поэтов, становится всё более виртуозным, оставаясь при этом естественным. Так он мыслит, так чувствует. По-другому не желает и не может. Его стихи организуются, как дыхание. Иногда оно лёгкое и спокойное, озарённое улыбкой, иногда — натруженное, с хрипотцой, порой — страстное, горячее или же едва заметное, сдерживаемое благородным нежеланием выставить свою душу нагой, — да и возможно ли это?

В последней тоненькой книжке (издательство "Симэкс-принт", 2012 год), превосходно проиллюстрированной молодой талантливой художницей Альбиной Ялзозой, собраны стихи, прежде всего, о любви, без которой нет жизни, нет ничего. Кто встречал когда-нибудь поэта, который не воспевал бы любовь? Но что нового можно сказать о ней? Однако изученное, казалось бы, всеми поэтами и прозаиками и даже учёными планеты вечное чувство по-прежнему таит в себе тысячу загадок. Читая лирику Потоцкого, мы пытаемся вместе с ним разгадать это чувство, захваченные не менее загадочным поэтическим потоком.

Средства поэтической речи у Потоцкого менее всего похожи на результат мучительных поисков — так органически пронизывают они ткань его удивительного языка. Разве не поражают нас его необычные образы?

"Океанского сукна буду вечно помнить складки", "Звонким ливнем отупожен за окном шумящий сад", "Я заглядывал в глаза волн", "Море ворочалось, выходя из пролога пьесы, как собачья морда из прутьев оград", "Как неказистая метафора, твоя улыбка проступила", "А ты ко мне сходил медленнее, закутанная в тьму созвучий", "И не выдохнуть мне боль по твоей былой измене", "Все эти скверы и кварталы... в снежки играли снегом талым", "А ты незримою слезою уже стекала по лицу", "Ты, с телом из перламутровых раковин", "Сегодня волны ниже трав и выше облаков", "И жизнь, что выдохла короче, стучит в озябшее окно", "Твои стрекозиные жесты я знаю наперечёт"...

Эта короткая выборка из стихотворений поэта, можно сказать, осуществлена с закрытыми глазами. На самом деле что ни стихотворение — то неожиданные метафоры ("Но мне ты доверяешь тело, в небесный рай со мной летя", "Не сумев поделиться с городом своим горем, все обиды мимоходом отправив на плаху...", "Возвращенье к эпохе топора и кнута, где на траурном вздохе жизнь твоя прожита", "Вот ты сердился у плиты, и глаза твои налиты тёмной тучей из ста созвучий", "И ты слезой в ту темень капала, воспринимая мир всерьёз, а я вновь угорал от запаха твоих размятых волос"), эпитеты ("Слишком много неласковых окон", "колоколов многоярусный молебен", "Печалей робкий сгусток", "Как ветер на дворе жесток, как безрассуден, глуп", "Из рокового света медного ты появилась..."), сравнения ("Безумие ласкать твоё тело, будто звездную карту, будто колокольный звон — ты долго звенела, как секундами одна минута", "Без улыбки по ровному дню я иду, будто камень ко дну", "Подо мною шумело море надоедливо, как по городу злые сплетни...", "задохнуться стихом, как волной морскою", "И как на тёмном небе звёзды схожи — одну не отличаем от другой, так женщины между собой похожи своей обидой и своей бедой"), олицетворения ("Кисточка жизни рисует зданья, тропинки, поединки зимы и весны, травинки...", "Несётся, словно всадник, над морем лунный лучик, что свой мундир парадный надел на всякий случай", "Пишет письма луна, словно формулы в тетрадке", "Оно (письмо) минует сто держав, луч солнечный зажав, явив свой бесшабашный нрав, к твоей руке припав").

А какая звукопись? ("На языках листвы и трав из сорока дубрав", "Незнакомки вкривь и вкось по судьбе моей чертили. Приходили, уходили, провозжать мне их пришлось. Уходили, голоса, причитали осторожно. Можно, хоть и очень сложно, вспомнить все их голоса...", "Зачем так горячо в июле солнце светит, когда уходит прочь последний луч луны?", "Скользит корабль по реке накоротке с волной, скользит корабль налегке, все беды — за кормой".)

Стихи Потоцкого надо читать для воспитания сердца. И вы узнаете, что любовь для поэта — чувство, уходящее в космос, хотя её земной адрес — известный всему миру город у Чёрного моря, колыбель поэтов и музыкантов; что любовь есть музыка и свет в пространствах обычной квартиры — и Вселенной; наслаждение — и мучительная боль одиночества, которое учит понимать суть вещей; страдание от невозможности полного слияния, нескончаемое преодоление душевного несходства — и светлая радость прощения и примирения.

Вы услышите непрерывную музыку в стихах поэта не просто потому, что само звучание слов нарочито музыкально при всём разнообразии стихотворной формы (он пишет и метрические, и дисметрические стихи), но и потому ещё, что Потоцкий вовлекает в образный строй своей поэзии музыкальную тему, близкую его сердцу ("И накачивались, как волны, глаза твои, губы, плечи, руки, как накачиваются валторны и виолончели тягучие звуки", "Играет прекрасная полька этюд, что течёт, как слеза", "Ветром найден ключ скрипичный, и звучит вновь героический и возвышенный мотив", "Шопена лепится этюд на плоскости стены, а пальцы длинные твои тоскливо сплетены"). И вряд ли могло быть иначе: ещё в юные годы прекрасной музыкой навсегда забрала его в плен единственная муза поэта, красавица жена, композитор и пианист Людмила Самодаева — источник вдохновения. В любовной лирике Потоцкого нет и намёка на искусственный экстаз, в каждом стихотворении — поэтическая подлинность.

Через любовную лирику Игорь Потоцкий умеет без всякой натяжки выразить своё отношение к современному обществу, к любимому городу, к природе, к предназначению поэта. Язык его допускает бесчётное количество сочетаний и комбинаций, соединений как будто несоединимого. Но у настоящего поэта своя, особенная, логика, и мы с изумлением и радостью постигаем её, понимая, что перед нами — замечательный русский поэт из Одессы со своим неповторимым голосом.

Москва.

Леонид Гервиц
...и уже позабыть не смог

Я хочу умереть внезапно на пути из страны в страну, чтоб не знал ни восток, ни запад, что я умер в ту ночь одну.

Не надеясь на послесмертье, на какую-то жизнь в веках, я хочу умереть, как ветер затихает в седых песках.

И когда, превращенный в пепел, я пополнил молекул рой, и когда то ли был, то ли не был, стал долиной или горой,

ты одна будешь помнить точно, что на свете однажды жил человек неудобный очень, гряда мяса, костей и жил.

Что носился он неприкаянный то на запад, то на восток, и тебя повстречал нечаянно, и уже позабыть не смог.

Нью-Йорк.



Ирина КРАЙНОВА

Хождение за четыре ж/д

Диплом надо сначала завоевать, а потом еще и умудриться получить. Непрост был мой путь за дипломом Международного литературного конкурса "Есть город, который мне снится во сне" в Одессу, в сорокаградусную жару нынешнего лета. За неделю — четырьмя железными дорогами, туда и обратно.

Я почти опоздала

Если честно, ехать я хотела, но больше не хотела, ибо ехать было не к кому, не на что, да и не на чем. Одесская моя подруга уехала в отпуск, а тут неожиданно пришло известие о моем лауреатстве. Но как-то все "рассосалось": предложила остановиться у нее другая однокурсница (с которой мы не виделись почти 30 лет), мои дети, собиравшие мне деньги на кондиционер, быстро убедили маму, что ни к чему покупать его на исходе жары, а дефицитные летом билеты (на 4 поезда через Москву) в московском агентстве достала влиятельная саратовская подруга.

Тут у меня как раз случилось ОРЗ, с кашлем и бессонными ночами (особенно приятными в жару). Легко решив никуда вообще не ехать, я позвонила в Москву, отказавшись от заказанных с таким трудом билетов, и отключила все телефоны, дабы немного вздремнуть. Но энергии моей саратовской подруги хватило бы на трех таких, как я. Налетев мощным торнадо, она в пять секунд убедила меня, что ехать мне просто необходимо. И как я буду потом страшно всю жизнь жалеть, если не поеду. Попробуй поспорь со стихией! Я дрогнула и покорила.

Четвертая часть моего пути на историческую родину проходит почти гладко: 1) я не опоздала на поезд, что со мной частенько случалось в былые годы, 2) не забыла дома деньги, билеты и документы, что тоже бывало и отчего мое дальнейшее путешествие потеряло бы всякий смысл. Мне лихорадочно везло, как начинающему картежнику, и я быстренько сменяла тройным обменом верхнюю полку на нижнюю еще до отхода поезда (ввиду проблемных ног утаила факт "верхнего" билета от своих сыновей).

Поскольку все рейсы через Москву у меня неудобные, ранние (обратный поезд вообще приходил в четыре утра), старший ребенок встретил меня и привез к себе домой, где я помылась, поела, полежала и... совершенно расслабилась, потеряв бдительность. Кое-как забрела в продуктовый магазин, медленно-медленно ползя в сторону метро. Встретив по дороге симпатичные разноцветные маечки, принялась их примерять. Потом я немного подождала сдачу, потом недолго постоила в очереди за проездным в метро...

Очнувшись от расслабляющей эйфории где-то на эскалаторе, в который раз поняла, что Москва — город большой, куда больше, чем мне хотелось бы, а метро, хоть и быстрый вид транспорта, телепортироваться по воздуху еще не научилось. Киевский вокзал оказался гораздо дальше, чем я рассчитывала, и в камеру хранения я вбежала уже на голых нервах. Со сдавленным криком: "Мой поезд уходит!" — растолкала всех и ринулась на перрон, позабыв о своих проблемных ногах. Силы мои полностью закончились у хвоста вагона. Слабым голосом прошу его проводника взглянуть, какой мой вагон. К счастью, он оказался замыкающим. До отхода поезда оставалось чуть больше пяти минут.

Это был единственный купейный на моем нелегком пути. Пятеро пассажиров на весь вагон — с ласкающим слух родным говорком, отдельное купе, кондишн. Только вот полка показалась очень уж узкой. Что ж делать, сэкономили, наверное, на ширине — зато так просторнее. Постепенно методом проб и ошибок (давненько не шиковала я в купейных!) выяснила, что в верхней части моего диванчика имеется вешалка, рядом — закрытая ниша для ручной сумки. Я даже полежала немного на этой по-солдатски узкой полке, пока не поняла, наконец, что она тоже раскладывается. Темнота деревенская!..

...потом опередила Галю

Мы не совпадали с подругой на один день (она приезжала на завтра), и я заранее заказала номер в капсуле, понятия не имея, что сие означает. Капсулы пришли к нам из Юго-Восточной Азии, это крошечный номер с туалетом, мини-умывальником, душем, телевизором и койкой — всё на одном пятчке. Умывальник тут же залил водой весь пол моего номера, но в остальном, прекрасная маркиза... Да, еще расположение гостинички с громким названием ("Токио стар") акурат между двумя значными местами — вокзалом и "Привозом" — наводило на разные

мысли. "Надо бы вернуться засветло", — кажется, это последняя ясная мысль, которая посетила меня по дороге к морю. Увидев с обрыва просторы одесского моря, забыла обо всем на свете.

5 часов я провела в родной Отраде, где цвет воды на глазах превращался из тускло-серого в густо-зеленый. Так ведь и небо надо мной вдруг расчистило себе широкую и глубокую синюю полосу среди облаков. Поднявшись к вечеру на родимую улицу Белинского, уютно устроилась перед опереттой с йогуртом и мороженым (какая еще еда в такой духоте?). Тут народ повалил из театра — был антракт. Надо быть полной дурой, чтоб не использовать этот шанс. И вот я уже в театре, с непроницаемым видом прошла мимо охранника. Бегло оглядев интерьер, похожий на все интерьеры театров последних советских лет (разве что чеканки и металла побольше), нагло сажусь к сцене поближе. Я сильно пострадала за свою беспардонность. Из центра зала уйти было нелегко, хотя вскоре очень даже захотелось.

Сначала все шло хорошо, на сцене разыгрывалась довольно сентиментальная американская история о брошенных женами и оставшихся без работы "настоящих мужиках". Те, желая доказать, что они чего-то стоят, решили показать... мужской стриптиз. Я надеялась, что на этой скользкой теме знаменитая одесская оперетта, соперничавшая с московской в лучшие свои годы (а по яркости актерской игры, по количеству талантов на один квадратный метр сцены порой ее превосходящая), не поскользнется, вырвется своими, чисто театральными средствами. Увы, ружье, курок которого взвели еще в начале пьесы, довольно бесцеремонно и грубо выстрелило к финалу. Разговоры о голых задах (в американском варианте звучит еще грубее) закончились их всеобщей демонстрацией, независимо от возраста, строения тела и качества демонстрируемого предмета. Зал, битком набитый молодежью и малолетками, вылет от восторга. Наверное, это был неплохой стриптиз — я слабо в нем разбираюсь. Но при чем здесь, простите, театр, одесская школа музыкальной комедии имени Миши Водяного?

Новый мой одесский день был полон не менее крепких сюрпризов. Моя подруга Галя, преподавательница техникума, оказалась не шатенкой с короткой стрижкой, а блондинкой с красивым, длинным, жестким рисунком каре. Но я ее вычислила. Неожданной для меня было то, что жила она, оказывается, почти что в Вороньей слободке. Слобода, конечно, настоящая (в романе двух великих одесситов та куда более смачная), благообразная, с бесконечной мраморной лестницей, стеклянным окошком в крыше и бесчетными рядами квартир. К некоторым еще вела деревянная лестница, как из моих "коммунальных снов".

...совпала с ней по фазе

Большую часть времени мы с Галей проводили в странствиях по Одессе. Она совсем не изменилась за эти годы (Галя — не Одесса), оставшись такой же легкой, простой и веселой в общении, немного хулиганкой, как в студенческие годы. Море — это святое, туда мы ходили ежедневно. Галя — загорать и купаться, а я — в основном смотреть, впитывать его изменчивую красу. Можно, не уставая, наблюдать за жизнью берега. Вот пара одесских толстунов чинно бредет вдоль кромки воды, не торопясь окунуть пышные тела в бурные волны. На детском пляже — вселенский съезд колясок. Малютки мирно в них почивают, мамы котят язычки. Вот пловец выловил огромную медузу и гордо выносит ее в обеих руках, не подозревая, что ожог от нее может быть весьма и весьма ощутимым.

Ко мне прибилась маленькая рыжая собачка, даже втиснулась на краешек моего папео. Странно, что они все ко мне льнут, я же никого не приманиваю! Крепкая на вид смуглая пляжная девочка обидчиво поджала губы: "Я ее уже совсем приручила, что ж она к вам идет?"! Помогаю девочке отогнать от себя собачку, та гонит ее легкими толчками.

— Э, так не пойдет! Принеси ей что-нибудь поест.

На баранку умный песик реагирует слабо.

— А ты разломай и положи кусочек рядом. Ключун! Всему эту молодежь надо учить...

Еще мы ходили в "Театр на чайной" (фабрика — бывшей), самый знаменитый в Одессе, где одаренный молодой коллектив режиссеров и актеров развлек мои сомнения в профессионализме одесских театров после того дикого ужаса в театре имени Миши Водяного (бедный Миша, наверное, до сих пор ворочается в гробу). Так тонко, легко и глубоко поставить пьесу Аллы Соколовой "Люди, звери, бани" не смог ни один из российских театров.

Были мы и у однокурсника — Игоря Любинского, научного сотрудника краеведческого музея. Он стал превосходным знатоком Одессы и провел блестящую экскурсию по экспозиции, которая помогла мне, наконец, разобраться в бесчисленных царских генералах иностранного происхождения, которые так много сделали для становления города и края. Заглянули мы и во внутренний дворик музея — бывшего особняка известного промышленника Новикова, где приятно освежает воздух типичный одесский фонтан с позеленевшими от сырости камнями и скрывается за деревьями бюст той, по чьему указу основали сей чудный град.

Памятник Екатерине Великой от гнева народных масс когда-то схоронили во дворе музея. Уцелели только скульптуры верных ей генералов и самая верхняя часть фигуры императрицы. Сейчас памятник полностью восстановили и водрузили там, где стоял ему и положено — на Екатерининской площади. Первоначальная же голова ее величества благополучно пребывает в музейном садике.

Если вы думаете, что всяческие курьезы перестали со мной происходить в другие мои одесские дни, то глубоко ошибаетесь... Или плохо меня знаете. Решив взглянуть на мою бывшую квартиру на Белинского, в которой теперь элитный банк, мы с Галей отважно двинулись внутрь нее, несмотря на всякие предупреждающие надписи. Спортивного вида молодой человек сразу же преградил нам дорогу. "Мы тут жили, хотелось бы взглянуть", — слабо пискнула я, вмиг оробев. У молодого человека явно что-то было со слухом. Слышал он только себя: "Это элитный банк для vip-персон. Вы клиенты банка? Это элитный банк..." — повторил он, как заведенная пластинка. В конце концов, нам пришлось ретироваться. Нет, прожить полжизни в этой коммуналке с осевшим паркетом, я так и не удостоилась чести стать vip-персоной, тем более — для такого элитного банка!

Веселые одесские таксисты вместо исчерпывающего ответа пригласили прокатиться бесплатно, но мы пока еще в таком возрасте, что рискованно пускаться в ночные авантюры. И вдруг почти на автопилоте вспоминаю, что родной троллейбус ходил вроде на улицу Льва Толстого. То, что нужно. Дома и стены подсказывают. И мы счастливо избежали нелевки где-нибудь на лавочке в парке Шевченко.

В другой раз я необдуманно прыгнула в микроавтобус с маршрутом Лузаныка — Аркадия", увлекая за собой Галю, справедливо полагая, что на какой-нибудь из двух пляжей мы точно попадем. Вопрос только, когда. В Аркадию, например, мы пилили почти час (вместо 15 минут), через все городские новостройки. Заучив наизусть номер "опасного" маршрута, совершили новую оплошность: пересидели на пляже до полной темноты. Фантастически рыжая луна проложила золотистую морскую дорожку, которую никак не удавалось сфотографировать, мы прожигали жизнь на открытой веранде ресторана. Прикончив ароматную скумбрию, пустились, наконец, в обратный путь, попав в полосу сплошного мрака. Наши попытки выбраться на свет привели к непонятному строению, где вполне могли пребывать злые сторожевые псы.

Наконец, мой испуганный ум стал проявляться, я поняла, что надо идти строго вверх, тогда мы точно пересечем знаменитую одесскую Трассу здоровья, которая опоясывает берег (и где мы так славно катались днем на электромобиле). Выбрались! Не обошлось, верно, без моего ангела-хранителя, который так сильно удерживал меня от этой во многом авантюрной поездки в Одессу. И когда ему не удалось побороть мое ослиное упрямство, помогал уж, чем мог.

...погуляла на славу

Мы продолжили прожигать жизнь, следующим объектом стала "Шоколадница" из Львова, перенесенная на Дерибасовскую во всей своей красе, вместе с оборудованием и очаровательным персоналом. Девушки в изящных коричневых платицах и белых фартучках были похожи на старорежимных гимназисток. Горячий шоколад со сливками и с палочкой корицы на дне чашечки пах божественно и стоил... соответственно.

Больше всего "оторваться" в значных заведениях нам захотелось после моего награждения дипломом. Не тут-то было. В тот день в Одессе случилось небывалое происшествие. Света не было 12 часов — с 6 утра до 6 вечера. Не работали рестораны, один за другим закрывались магазины. Поговаривали о "русской электродиверсии". Но нам удалось найти ресторанчик, где предусмотрительно приготовили блюда на газовой плите. Причем — прямо на Дерибасовской. Это ресторан с моей любимой украинской кухней.

Отсутствие электричества сказалося и на церемонии награждения. Лауреатов I Междуна-

родного литературного конкурса "Есть город, который я вижу во сне..." (проводился общественной организацией "Агентство регионального развития" при поддержке Всемирного клуба одесситов и Объединения русских литераторов Америки, в рамках XVI Международной книжной выставки-ярмарки "Зеленая волна") награждали в большом белом шатре на углу Дерибасовской и Преображенской. Среди выставки Пиросмани, после многих презентаций умных и остроумных (!) книжек одесситов и "за Одессу". Средства озвучивания и охлаждения, ясное дело, не работали, все были довольно варенные из-за сильной жары, но проходила церемония тепло и сердчно.

...и, наконец, нашла своих

Вручал дипломы главный редактор газеты "Всемирные одесские новости", сопредседатель жюри конкурса Евгений Голубовский. Он выразил надежду, что конкурсы в рамках книжной ярмарки — 16-й по счету — станут регулярными и поспособствуют объединению одесситов всех стран. Тут я, конечно, не удержалась, чтобы не вылезти с ответным словом (хотя и сильно себя при том шипала): "Великий город, великая литература, великие традиции. Я — одесситка в пятом поколении. Коренные одесситы знают, что это значит. И очень благодарна..."

После награждения мы с подругой подошли к Евгению Михайловичу — выразить свое восхищение его энтузиазмом и эрудицией (Галя не раз консультировалась у него, когда работала в архиве), и она зачем-то принялась называть мои саратовские журналистские титулы. "Для Одессы они пустой звук, пока тебя не примут здесь", — прервала ее я. Евгений Михайлович понимающе улыбнулся и согласен кивнул. Нас узнала и признала сама Одесса — вот это высший пилотаж!

По материалам конкурса издан спецвыпуск "Всемирных одесских новостей". Нам торжественно вручали газеты с нашими рассказами и стихами и книгу "Одесский альманах" с манящим названием "Дерибасовская-Ришельевская". Поэты-лауреаты читали собственные вирши. Известно, что уговаривать поэтов читать стихи не надо.

Весьма актуально при уже привычных одесских сорока градусах прозвучали строки седобородого джентльмена, сильно смахивающего на основоположника "призрака коммунизма": "С утра жара, бунтует Цельсий//И Фаренгейт.//Термометр врёт!.. Я поднят ввысь волною света//и сброшен вниз, в живую тьму.//О, слава свету, слава зною!//Крещен жарой. Крещен бедой./Я — как картошка под золою — //испекся. В шкурке золотой". Хорошей поэзии было много, но эти стихи мне особенно понравились, и я сказала автору после торжественной части: "Вы хоть и похожи на Карла Маркса, стихи ваши очень даже впечатляют". Не прореагировав на мое откровенное нахальство, "Маркс" спросил с достоинством правящего монарха: "И вы не слышали моих стихов раньше?" — "Нет, чтобы да". Мое невежество оправдывает только то, что я давно не живу в Одессе. Это был известный поэт Илья Рейдерман. Он милостиво меня простил.

Написавшая хороший и немного загадочный рассказ лауреат Галина Федеева раздарила стихотворную книжичку "Маги Приморского бульвара". Надпись она сделала символическую: "Ирине в момент всеобщего триумфа". Это действительно был всеобщий триумф. Города, моря, юмора. 25 лауреатов (из них — 12 поэтов). Все — влюбленные в свой насквозь пропитанный морем, солнцем и юмором город.

Нас нашел и объединил Всемирный клуб одесситов. Ну какая столица мира может похвастаться такой бешеной популярностью среди своих бывших жителей? Одесса может.

Жалко, не все смогли приехать на вручение, не со всеми успела я пообщаться. Но именно в том белом шатре я вдруг поняла: несмотря на дику жару этих дней, на загадочное отсутствие света весь день, на запугивание нас надвигающимся штормом, на жуткие, давно списанные плацкарты, набитые пассажирами, как ветхая лачуга тараканами (в которых я совершала свои вхождение и исход из Одессы), приехала я сюда не зря. За те минуты всеобщего единения — на почве любви к нашей красавице Одессе — "за это можно всё отдать". Как бы ни были мы оторваны от нее, как бы ни чувствовали себя порой одиночками в этом холодном мире... Мы узнали, увидели, что таких, как мы, много, мы — везде. Мы — народ, новая раса, одессоидная, одесситная — или как это сказать полагозвучнее? И вместе мы — сила. Потому что мама Одесса любит и помнит всех нас, далеких и близких.

По классу фортепиано

ИНТЕРВЬЮ С ИГОРЕМ ПОМЕРАНЦЕВЫМ

Игорь Померанцев. Поэт, прозаик, эссеист, радиоведущий.

Родился в 1948-м в Саратове, вырос в Черновцах, окончил романо-германский факультет Черновицкого университета, после чего переехал в Киев, где работал переводчиком. Вторая половина семидесятых в СССР — душные годы, когда наказуемое свободомыслие заключалось даже в выборе литературы. Игорь выбрал свободомыслие, что неминуемо повлекло за собой наказание (хотя сейчас — кто знает, не было ли это наказание благом?). "С помощью" КГБ Померанцев оказывается в эмиграции: сначала — в Германии, затем — в Великобритании, гражданином которой он по сей день и является. Эмиграция дала свободу, в первую очередь — свободу творчества. В Париже и Лондоне Игорь Померанцев смог опубликовать то, что в России лежало бы в рукописях как минимум двадцать лет. Почти сразу ему предложили работу на радио — сначала в Русской службе Би-Би-Си, затем на радио "Свобода", где он работает уже 25 лет. С 1995 года Игорь живет в Праге — переехал вместе с радийным офисом.

Немало времени прошло с тех пор. Более десяти книг Игоря вышли в Лондоне и Москве, Киеве и Санкт-Петербурге. Его стихи и рассказы, переводы и эссе публикуют лучшие "толстые" журналы России и Украины. Игорь — автор нескольких радиопьес, поставленных в том числе на английском и французском языках; в поставленных на радио "Свобода" радиопьесах "Любовь на коротких волнах" и "Любимцы господина Фабра" участвовали Валентин Гафт и Сергей Юрский.

Я познакомился с Игорем позже, чем познакомился с его творчеством, и гораздо позже того момента, когда я впервые услышал о нем от своих друзей — литераторов и не только — в Одессе. После короткой встречи в Одесском литературном музее — на презентации украинского перевода книги "КГБ и другие" — были долгие беседы в Праге. И Одесса, и Прага — города для Игоря Яковлевича особенные. В Одессе родился и вырос его отец — Яков Израилевич. Именно на одесском пляже Игоря "брал" КГБ. Прага — город, в котором Игорь живет и работает уже семнадцать лет, — не могла не отразиться в его творчестве, породив как притяжение, так и отталкивание. Мы говорили об этом в интервью.

Игорь Яковлевич — человек радийный. Тридцать два года на радио — целая эпоха. Профессиональный интервьюер лучше, чем кто-либо, знает, как выстроить канву собственного интервью.

— Давайте поговорим о самом начале вашего литературного творчества.

— Почему человек начинает писать? У меня это от отца. Я вырос в семье военного журналиста, впоследствии просто журналиста, и я помню запах чернил с детства. Потом отец уже печатал на машинке, и запах чернил выветрился, но во мне он остался. Так что для меня писать было совершенно естественно, потому что передо мной была спина отца, сгорбленная спина — вот он стрекочет на машинке, толкает каретку. Кто-то говорит: "продажные журналисты", "советские журналисты"... Да, так-то оно так. Но иногда у отца что-то получалось. Я помню, в черновицкой газете "Радянська Буковина" он опубликовал фельетон "Дело пахнет керосином". О керосинщиках. Он читал его маме, мне и брату вслух с восторгом. Значит, все получают кайф от того, что они пишут. Да, запах чернил остался во мне. И стрекот отцовской машинки. Если бы мой отец был сапожником, меня возбуждал бы запах кожи, я бы с ходу отличал, где кожмнит, где кожа, где резина.

— А фортепиано? У вас есть замечательное стихотворение "Уроки музыки"...

— Не знаю, любопытно ли это читателям, но вот мы с вами только что ужинали, ели салат, который я приготовил. И в нем было много всяких ингредиентов — не менее двенадцати, кстати. Это очень сложный соус. Наша жизнь — это вот такой салат, это сложный соус. Поэтому уроки фортепиано, конечно, при мне, и я их забуду, только если утрачу память. Конечно, я помню первую песню, которую подбирал на фортепиано со своим учителем: "Ой, за гаем, гаем..." — и как мои деревянные пальцы барабанили по клавишам. А вот запаха кожмнителя в доме не было. В девять лет, кажется, я написал первые стихи, и я даже помню первую строчку: "Щенок, щенок, ты стал собакой". У нас дома был щенок, который на глазах стал собакой. Это было большое событие.

Но вернемся к вашему вопросу о публикациях. В Советском Союзе все было крайне вымерено. Там не могло быть случайностей. Я сочинял стихи. Я показал свои стихи — по-

слал по почте поэту Давиду Самойлову, и он благосклонно отнесся к ним. После я бывал у него и его жены Галины Медведевой в Опалихе, под Москвой. Ну, хотелось приезжать чаще, но не получалось чаще. Он отнес мои стихи в журнал "Смена", где меня дважды опубликовали, что по советским меркам было почти триумфом — для провинциального молодого человека. Это миллионный тираж. Тотчас известный бард московский, прочитав эти стихи, сочинил песню — "Кем-то лето второпях выпито из сада...". Он сочинил песню, она получила какой-то там приз на фестивале туристической песни. И потом эту песню привезли в Киев и со сцены объявили, что вот будет звучать песня на стихи Николая Заболоцкого. Конечно, это был момент триумфа, потому что... Знаете, все-таки не каждый день твои стихи приписывают Николаю Заболоцкому.

— И все-таки большинство стихотворений и повесть "Читая Фолкнера" ходили в списках.

— Да. В кругу друзей. И тот же Давид Самойлов мне написал — позволю себе быть нескромным — хвалебное письмо о моей повести "Читая Фолкнера". И, конечно, он давал ее читать своим друзьям. Я тогда же получил лестное письмо от писателя Марка Харитонова. Другими словами, эхо родилось. Маленькое эхо. И, конечно, для молодого писателя — я жил тогда уже в Киеве — было чрезвычайно важно, что тебя прочли в Москве. Мне было наплевать, что "Читая Фолкнера" невозможно опубликовать. Да, кстати, и в Киеве меня привлекали люди, с одной стороны, истеблишмента, как поэт-академик Микола Бажан, профессор-литературовед Наливайко, с другой стороны — даже они не могли меня опубликовать. Но приглашали, встречались. Тогда существовали две такие культуры, причем они пересекались. Не было такого: диссидентский оскал с одной стороны, а тупой официоз — с другой стороны. Все было сложнее, драматичнее. Ну, вот как салат, который я сегодня приготовил.

— А ваше литературное творчество было ли одной из причин, собственно говоря, внимания, интереса КГБ к вам?

— Конфликты были с самого начала, хотя и не с младых ногтей. Я никогда не был Владимиром Буковским — диссидентом безусловным, с даром, талантом диссидента. Нет. Конфликт серьезный начался, потому что я был литератор и хотел читать то, что мне было интересно. Тогда это называлось "самиздат", "тамиздат". И вот тут-то и начался открытый конфликт — допросы, угрозы, шантаж, попытки вербовки, ну и так далее. Да, конфликт произошел из-за того, что я оказался в пограничной зоне культуры. Это зона свободы. И когда через мои руки начал проходить самиздат, а я, естественно, делился им со своими друзьями, — тогда этот конфликт стал открытым. Я в это время уже давно жил в Киеве. Это в Черновцы я еще привозил самиздат из Москвы от Давида Самойлова.

— Я считал, что вы работали переводчиком в Киеве.

— В Киеве я работал в фирме "Патент". Я сознательно выбрал технический перевод, подальше от идеологии. Но помимо технического перевода я жил своей литературной жизнью, это была русско-украинская литературная жизнь, и тогда не было никаких кордонов между нами. Мы были, что называется, неофициальной литературой, или андеграундом. Но не замкнутым на себе. Я, помню, бывал на даче у Леонида Первомайского. Это очень всё сложные пропорции. Не получается выстроить черно-белую картину культуры, да и жизни.

— Ранние ваши стихи я читал в сборнике "Те, кто держали нас за руку, умерли". Они были рифмованными. Когда вы перешли к верлибру окончательно?

— В этой книге, "Те, кто держали нас за руку, умерли", — есть глава моих ранних стихов, и она называется "Стихи молодого человека".

— Это начало семидесятых?

— Да, и середина шестидесятых, причем название говорит о моем отношении к этим стихам. Это стихи не молодого поэта, не юного, а молодого человека, пробующего себя в поэзии. Почему я их включил в книгу? Потому что в них нет самых для меня провальных элементов графоманской поэзии: искренности, сердечности, доброты. Нет их там. Это не поэтический материал вообще. Я перечитывал свои старые стихи и понимал, что в них — работа над словом, работа над языком, преломление образа. Это настоящее ремесленное училище, да, ремесленное училище поэзии. Вот я сейчас вспоминаю стихи 17-летнего юноши: "Дождь в обрамлении окна повесили на стенку". Молодец юноша. Искал образ, да? Что делать с дождем? Про-

свою душу забыть. Она никому не нужна, если нет преломления в слове, в образе. Дождь можно повесить на стенку и обрамить. Или, например, я вспоминаю стихи молодого, совсем молодого человека: "Сентябрь болел ветрянкой, сентябрь болел желтухой..." — стихи... знаете, ничего в них особенного нет. Но все-таки это отождествление тела, своей физиологии с природой. Это усилие, ремесленная работа юного поэта. Или другие стихи, тогда же написанные: "Над садом, над стрельчатой крышей / Расставлены звездные знаки. / Ночами Вселенная дышит, / Как прежде — как при Пастернаке". Что это означает? Это означает, что очень молодой человек, пишущий стихи, ищет свою поэтическую родословную. Он старается понять свою словесную, а не жизненную биографию. Когда молодые поэты показывают мне стихи, для меня главное — есть ли там прикладная работа: игра ума, воображения, смещение семантики, преломление образа, зоркая оптика. Вот где копошится поэзия, а не в душе нараспашку, будь она неладна.

— И все-таки к верлибру.

— У писателя две параллельные жизни — это его собственная биография и его работа со словами, с языком. Для меня самое главное — вот этот фуганок поэтический, все эти рашпили, нафилы, которыми ты обрабатываешь языковую ткань. Работая, ты начинаешь понимать, что Пастернак, к примеру, совершил революцию в русском стихосложении и в пластике русского языка — не только поэтического, а вообще языка. А что можешь ты? Вот Пастернак изменил звучание слова, значение слова в стихотворении. Из-за этого Набоков упрекал Пастернака: мол, он безграмотен. Да он не безграмотен, он просто гений. А гении могут позволить себе всё. И ты начинаешь понимать: "Ага! Вот это и есть язык поэзии! Ошеломляющий язык". Ну а ты можешь что-то предложить свое поэзии или можешь только брать? Так понемногу я понял, что не хочу больше работать в рифмованной стихии, что для меня это потакание чужим стихам и самопотакание. В лучшем случае можно написать, как у Пастернака. Или как у Мандельштама. И все будут счастливы. А я вот напишу что-то такое, чтобы все были не счастливы или не все были счастливы.

— ... "почему они должны быть счастливы"?

— Да, почему они должны быть счастливы? Напиши так, чтобы тебя спрашивали — с возмущением спрашивали: "Почему ты решил, что это стихи?" Это вызов. Это мое любимое английское слово — challenge. Ну, теперь оно и в русском языке стало популярным. Я его полюбил в 20 лет. И в этом мне помог верлибр, потому что верлибр оголяет поэта. Если ты бездарный поэт — в верлибре сразу видно, что ты бездарный. А если ты рифмуешь а-ля классики, то это может показаться милым, симпатичным, трогательным. Мы до сих пор читаем лестные отзывы о духовных, духоподъемных поэтах. Но все это — социальная лесья самим себе, социальная жестикция и не имеет отношения к поэзии. Это приобщение к так называемому "высокому", что свидетельствует о полной глухоте по отношению к поэзии. Поэзия совершает много революций, в том числе и революций в отношениях между людьми и в понимании того, что такое культура и что такое быть культурным.

— Итак, эмиграция. Что меняется для творческого человека в эмиграции? Я говорил в прошлом году с Виктором Пивоваровым, и он сказал, что только спустя годы он понял, какой душевной травмой для него был отъезд навсегда.

— Это совершенно нормально — остановиться, оглянуться, найти слова и, что было очень важно, показать эти слова публике. Худобедно в эмиграции была своя пресса, были мои любимые парижские журналы "Ковчег" и "Синтаксис", был журнал, который публиковал меня в Израиле, а после в Нью-Йорке — "Время и мы". Но все-таки моими форпостами литературными стали парижские русские журналы. Да, Виктор Пивоваров... Мы друзья, он иллюстрировал мою книгу стихов "Почему стрекочет?". Мы редко видимся в Праге, но у нас очень сердечные отношения. В отличие от Виктора Пивоварова, я уехал писателем совершенно не признанным. Я помню, я мальчишкой еще листал книги с иллюстрациями Виктора Пивоварова, изданные в "Детгизе". Он был уже художником с определенным статусом, определенного круга, он московский человек. Я уехал из Киева в 78-м году — и мне тяжело, я бы даже сказал, смрадно дышала в затылок госбезопасность. У меня было буквально несколько маленьких публикаций, включая журнал "Смена". У меня был круг друзей очень близ-

ких в Киеве, но все-таки Киев — не столица русской культуры, поэтому для меня, в отличие от Виктора, как раз эмиграция и жизнь в свободных странах давали какие-то другие возможности. Когда ты приезжаешь признанным, то к тебе другое отношение. Я помню, как я в Вене... Мы прилетели из Киева, моему сыну было десять месяцев, с женой-киевлянкой, и я первым делом пришел в Толстовский фонд, сказал, что хочу жить в Париже, потому что я русский писатель. Меня спросили, как меня зовут, потом где-то поглядели, компьютеров тогда не было, навели справки и сказали: "Мы такого писателя не знаем". Я думаю, что мне бы дали в журнале "Октябрь" в 1978 году или в журнале "Новый мир" примерно такой же ответ. В детстве я любил Коллан-Дойла, у него был такой роман "Затерянный мир", там главный герой — профессор Челленджер. Я когда в детстве читал, еще не понимал, что означает это фамилия. А потом, когда выучил английский, то понял, что это тот, кто бросает вызов. Профессор Вызывающий. И вот я оказался таким... Ну, не профессором, но челленджером, русским челленджером в Западной Европе.

Конечно, эмоционально все это больно, это утрата, это ампутация жизни. Но, тем не менее, я немедленно начал писать новые стихи, прозу, меня начали публиковать. Мне позволила Мария Розанова, жена Андрея Синявского, и сказала, что ей понравилось то, что я прислал в их журнал.

— Повесть была в 79-м опубликована в "Синтаксисе".

— Да. Сначала было опубликовано "Око и слеза" — это эссе, скорее, диссидентское, об атмосфере репрессий в Киеве. А потом появилась повесть "Читая Фолкнера", написанная еще в Киеве. У меня как раз в эмиграции началась публичная литературная жизнь.

— То есть у вас не было периода, скажем так, застоя и рефлексии, а наоборот...

— В литературном отношении — нет.

— ...а бурной...

— Ну, не бурной, а нормальной. Появились какие-то признаки литературной жизни, а потом и просто литературная жизнь. Действительно, в эмиграции людей пишущих было, по-видимому, не больше, чем людей читающих. Но, тем не менее, мы читали друг друга. Журнал "Континент" был такой тяжелый диссидентский, антисоветский, а "Синтаксис" — антисоветский, но элитный. И это было противостояние стилей. Эмиграция — это модель свободы. Есть такое слово — "суррогатный". Если бы Россия была свободной... Эмиграция — это суррогатная Россия. К тому же я нашел работу очень быстро на Би-Би-Си в Лондоне. Приехал в Лондон, это уже была другая среда — снова литературная, но русская, хотя и крохотная. Мы придумали издательство "Русская рулетка", начали издавать себя — так что все было не так плачевно.

— А коммерчески это издательство себя оправдывало?

— Нет, конечно... Это просто друзья скидывались.

— Все понятно. Замечательно.

— Я хочу назвать имена учредителей. Мы это придумали и осуществили — кажется, в 84-м году или в 85-м, это были мои коллеги по Би-Би-Си Зиновий Зиник, Маша Слоним и Сева Новородец. Там были разные литературные поколения, в эмиграции. Одно дело, ты приезжаешь Владимовым или Войновичем — с багажом, с признанием, а другое дело — тебе вообще под зад пинком дали, и ты никто в литературе, тебя не впускали в нее. А в Лондоне и спрашивать никого не надо: хочешь — пробуй, делай.

— А ваша работа на радио, которую вы действительно нашли так быстро, не мешала?

— У меня никогда не было чувства какого-то избранничества. Это русско-советская чухня. Когда есть работа, достойная работа — я счастлив. Вот говорили, что композитору Шнитке приходилось писать для кино. Западные композиторы счастливы, когда у них есть заказы. И точно так — английские поэты. Они мне завидовали, что я работаю на Би-Би-Си. Это нормально — работать. Нормально — пахать, быть Папой Карло. И у меня никогда не было мании величия, я не был социально испорчен, никогда не был членом Союза писателей. Никаких субсидий, грантов, никаких... и прочих там привилегий писательских. Да нормально это было — работать! Говорят, что Голливуд сожрал Фитцджеральда, Фолкнера. Да они были благодарны Голливуду! Могли неплохо заработать. И ничего в этом дурного нет. Это какая-то ерунда. Отчасти придуманная писателями Запада. Сэллинджером, да? Его герой, подросток, талдычит, как Голливуд загубил его старшего брата-писателя. Да чушь это собачья!



— **То есть поэт не должен быть голодным?**

— Не только поэт, никакой человек не должен быть голодным. Я помню, поначалу жил в Лондоне, на границе хорошего района и плохого. В плохом был эфиопский ресторан, он назывался, по-моему, "Эфиопия — 2050". В Эфиопии был тогда голод, там пачками, десятками, сотнями тысяч умирали люди. Никто не должен быть голодным. Никто не должен умирать от голода. Русская классическая поэзия создана дворянами. Они жили на широкую ногу. У них были проблемы — как бы расквитаться с долгами. При чем здесь голод!

— **А насколько важны для поэта, по вашему мнению, драматическая судьба и драматические личные обстоятельства? Насколько вообще для поэта это важно? Или это просто жизненные обстоятельства конкретного человека?**

— У каждой национальной поэзии есть своя доминанта. И в русской поэзии доминанта — трагическая. Классика № 1 русской поэзии застрелили на дуэли. И классика № 2 убили на дуэли.

— **Отсюда — толчок.**

— Я возвращаюсь к мысли, что у каждой национальной поэзии — своя доминанта и свой кайф. Нормальное состояние поэта, как и любого другого человека, — это драматическое, а не трагическое проживание жизни. В русской поэзии, в русской литературе работали, и хорошо очень работали, люди, чья жизнь я бы назвал не трагической, а драматической. Например, замечательный поэт Жуковский — он просто счастливо прожил жизнь. У Тютчева были свои драмы, любовные, скорее, — но это драматическая жизнь. У Фета драматическая, а не трагическая жизнь. К сожалению или к счастью — нет, скорее, к сожалению, так сложилось, что русская поэзия находится в зависимости, в прямой зависимости от государства, российского государства. И поскольку в Европе это государство — одно из самых жестоких, беспощадных, антигуманных, то и поэт, который живет не в замкнутой среде, а в своей стране, поэт так или иначе это чувствует, преломляет и т. д. Английская поэзия, озерная школа — это драматическое явление, а не трагическое. Доминанта, как я полагаю, английской поэзии — это чередование и противоборство латинских корней, а их 40 процентов в английском языке, и англо-саксонских. И вот с этой точки зрения, например, судьба Джона Донна — драматичная. Мы говорим о XVI веке, начале XVII века. Как Джон

Донн перешел из католицизма в протестантизм? Сказалось ли это на его поэзии? Это драма? Это же революционный поступок для человека. У него умерли двое детей, и что-то происходило в его психологии. Как и большинство елизаветинцев, он был поэтом католического мышления, то есть избыточного, барочного, и одновременно — человеком новой протестантской идеологии, идеологии аскетизма. В этом противоречии и заключена, по-моему, художественная мощь его поэзии. Но вернемся к русской литературе. Мандельштам говорил о разрешенной — государством разрешенной — и ворованной поэзии, "ворованном воздухе". Когда тебя вынуждают воровать воздух поэзии — тогда твоя судьба трагична. При этом Тургенев большую часть сознательной писательской жизни провел в Западной Европе и свою великую, очень русскую книгу "Записки охотника" написал в Германии. Да, значительную часть этой книги он написал в Германии. Судьба же Марины Цветаевой действительно неотъемлемо от судьбы России и СССР.

— **То есть все-таки какой-то энергетической, мистической связи с территорией, на которой ты родился, не существует? Или она не столь важна для вдохновения?**

— Это у каждого по-разному. Я считаю, что главная — кровная — связь и общая нервная система у поэта прежде всего с языком. Я приведу примеры из других литератур, чтобы мы не ограничивались сугубо русским опытом. Допустим, английская литература. XX век. Я когда-то немощно переводил английского писателя Лоренса Даррелла, ездил к нему на юг Франции. Лоренс Даррелл — автор романа "Александрийский квартет". Он родился в Индии. По-моему, за всю свою жизнь прожил не больше трех лет в Англии. Вообще за всю жизнь. Я бы сказал, что он был средиземноморским человеком ирландско-английского происхождения. Или Мюриэл Спарк. Классик английской литературы. Шотландка англо-еврейского происхождения. Около сорока лет прожила в Италии. Грэм Грин долго жил в Ницце, потом уехал в Швейцарию и умер в Швейцарии — это классик английской литературы. И вот тут я припас — под занавес — еще одну любопытную фигуру: Владимира Набокова. В России он эмигрант, отрезанный ломоть, не печатался в СССР, не существовал, я до сих пор слышу: "Он так и не вписался в русскую литературу". Так пусть она в него впишется! Ей это было бы полезно. Детство Набокова — Россия, Англия, Франция, Германия. В Америке жил недолго, писал по-английски...

— **Монтрё?**

— Ну, он умер в Швейцарии и большой отрезок жизни прожил в Швейцарии. Ни одному американскому читателю, который любит Набокова, автора романов на английском языке, не придет в голову говорить о нем, как об эмигранте. И писатели, о которых я уже говорил: Мюриэл Спарк, Грэм Грин... Это те, кто мне сейчас приходят в голову... Лоренс Даррелл... Никому в голову в Англии не придет говорить о них, как об эмигрантах. Россия теперь открытая страна. И тем не менее. Недавно мой добрый приятель поэт и филолог Илья Кутик рассказал такую историю. Он живет в Америке. В свое время переехал из СССР в Швецию — женился, потом нашел работу в американском университете. И вот он рассказал такую историю. На каких-то чтениях поэтических он встретился с одним из лучших русских современных поэтов. Это лауреат премии "Поэт", самой престижной в России. Человек демократических взглядов. Он живет в Москве, ему уже за семьдесят. И он сказал Илье Кутику: "Слушайте, Илья, да вы же дважды предатель!" Кутик сначала решил: какой остроумный! "Да, — говорит, — я предатель". Оказалось, что это был упрек. Мол, сначала ты предал Советский Союз, в Швецию уехал, потом предал Швецию и уехал в Америку... О чем это говорит? Это говорит о том, что у очень многих людей, живших и живущих в России, психология людей осажденной крепости. Вокруг враги! И то, что кто-то совершает жест свободного человека, воспринимается как предательство. Между тем западные люди вообще-то едут туда, где есть достойная работа. То есть личная свобода гораздо важнее вот этой пуповины национальной. И не национальной даже — территориальной. Ну а мой добрый знакомый Илья Кутик — профессор славистики, он свет доброе и вечное, к тому же русское. Мы обсуждаем с вами эмиграцию, как по-разному она воспринимается в разных культурах. Я вам больше скажу: есть такое понятие "зарубежье". В Италии живут масса, десятки тысяч англичан. Ну, слабость у них такая, понятная. Они видятся друг с другом, дружат, но понятия "английское зарубежье" нет. "Зарубежье" как институт возникло по контрасту с авторитарными или тоталитарными режимами, с диктатурами, которые выдавили часть общества за рубеж. Так появилось зарубежье. Было немецкое зарубежье. Двенадцать лет оно существовало, во времена нацизма. Было испанское зарубежье во времена франкизма. Было польское, украинское, русское. Не было английского зарубежья. Не было французского. Когда я говорю "зарубежье", я имею в виду опять-таки суррогатное существование нации в условиях свободы. Когда в зарубежье — своя церковь, своя пресса, свое правительство в изгнании и т. д. Зарубежье возникает не от хорошей жизни. Это вынужденное явление. Англичане знают слово "эмигрант", но понимают его иначе, чем восточноевропейцы. Лоренс Даррелл для англичанина — не эмигрант, точно так же, как Мюриэл Спарк или Грэм Грин.

— **Предатель Кутик...**

— Да, "дважды предатель". Этот диагноз, поставленный московским поэтом, свидетельствует о болезни его собственного сознания — и не только его. Эта болезнь — общенационального масштаба.

— **Где печатают вас? Где вас читают?**

— Вы знаете, я трезво отношусь к себе. Я, что называется, камерный поэт, камерный писатель. Так что все, что я делаю, это камерная музыка. Мой читатель не может быть массовым. В России, к сожалению, политика играет колоссальную роль. До сих пор. И пока политика играет доминирующую роль — у камерного писателя читателя будет мало. Я знаю свое место — скромное место, но не пустое. И я его занимаю. Да, скромное место. Честно говоря, любой поэт честолюбив и тщеславен. Конечно, я бы хотел, чтобы у меня было слушателей, как у симфонического оркестра. Но, тем не менее, даже у моих камерных поэтических жестов или камерной эссеистики все равно есть свой круг слушателей и читателей. Он очень небольшой, но этот круг мне по душе. Я знаю, что с этим кругом, даже если речь идет о пяти или десяти тысячах читателей, у меня общий язык. Меня это радует.

— **Наверное, перед последним вопросом — такой немного неожиданный даже для меня вопрос: вы не думали, на какой язык вы лучше всего переводимы? Может быть, это итальянский? Были какие-то такие мысли? Это просто для меня интересно. Итальянцы же не рифмуют.**

— Не только итальянцы. Погодите — англо-саксонская поэзия отказалась от рифмы уже давно, и там во главе угла, в центре лирической поэзии — это, конечно, личность поэта. И рифма не должна отвлекать.

— **Личность — но не чувства? Не душа?**

— Какая душа? Душа вообще никого не интересует, кроме психиатров. Душа — это последнее прибежище графоманов. Повторю: душа и искренность — это последнее прибежище графоманов.

— **То есть личность, но не искренность.**

Надо работать с языком. Что касается переводов... я не думаю, что поэт должен быть оза-

бочен этим. Хотя, конечно, в современной литературе то, что принято называть успехом, это успех международный, когда тебя переводят на несколько, на десяток языков, издательства покупают права, и тебя переводят на дюжину языков, — вот это и есть теперь литературный успех. Он теперь всегда международный. Но в поэзии всё намного сложнее, поскольку поэзия — это импровизация на тему языка.

— **В том-то и дело.**

— Да. И поэтому переводы поэзии — они условные. Это ознакомление, информация. Это этнографический материал. Меня замечательно на украинский переводят. И у меня есть читатели в Украине, читающие меня поукраински. Поэзия должна быть признана, прежде всего, теми, кто читает тебя на языке, на котором ты пишешь. Ну как перевести национальную память, психологию? Это, знаете, почти непосильно.

— **Ну и, наверное, последний вопрос.**

Прага. У вас сейчас сложные с ней отношения. Прага дает какие-то импульсы для творчества, какие-то темы?

— Прага разная. Прага относится к тем редким городам, которые можно назвать палимпсестами — историко-культурными, как Стамбул или Рим, и, конечно, деликатно перебирая эти пласты, эти слои, можно найти в Праге то, что волнует, тревожит, трогает. Жить в Праге — это большая удача. Для художественно чуткого человека, для человека, который отдает себе отчет в своем прошлом, Прага — город волнующий. Что касается бытовой жизни, недавнего прошлого, последнего слоя этого палимпсеста — социалистического, конечно, он вызывает чувство неуют, иногда — раздражения. Но я не люблю это чувство, потому что оно ничего не дает. Для творчества — ничего. Оно непродуктивно. Высокомерие — бессмысленное чувство, раздражение — тоже. Зависть, между прочим, может быть продуктивной, но не для меня. Я люблю Прагу, но обаяние жизни создают жители. Вот ты приезжаешь даже в самый бедный район Италии — и чувствуешь обаяние жизни. Потому что люди в состоянии его создать. В них есть какая-то радиация жизненного обаяния. А Прага сама по себе — изумительная. Это очень серьезный материал для человека, работающего в культуре и в поэзии. Но, тем не менее, мне не хватает в Праге обаяния жизни. Именно современной, нынешней, сегодняшней жизни.

— **А Мюнхен и Лондон дают больше толчков, импульсов творческих?**

— Лондон — тоже город-палимпсест. И это город живой. У него нет социалистического прошлого. И лондонцы — ну, их становится все меньше, но, тем не менее, лондонцы ведут себя, как персонажи комедий и трагедий Шекспира. Я живу в хорошем районе в Лондоне, в Хэмпстеде. Как-то я вышел из дому, и на улице два простака — ты всегда определяешь людей в Англии по фонетике, так вот, они базарили, подначивали друг друга, а потом уже почти до мордобоя дошли, и я помню, как один другому сказал: "Слушай, ты меня что, на испуг берешь?" Там из-за парковки спор был. "Ха! Напугаты! Я хочу, чтобы у тебя мурашки по спине забегали". Ну вот такие простакки. Благодаря им часто вспоминаешь, что живешь в стране Шекспира. Театр не опустил занавес.

— **То есть, подытоживая: важнее то, что накапливается внутри, нежели все-таки фон.**

— Я капризничаю, да? Ворчу: нет, мол, в Праге обаяние жизни... Мне вообще повезло. Мы с вами живем в Старом Свете. Это всё — бездонный палимпсест. И чтобы это понимать и осязать, нужна оптика, нужна художественная чуткость. И главное... Знаете, есть такое русское выражение: "Иван, не помнящий родства". Так говорили о себе беглые каторжане. Они не хотели называть на допросе свои имена. Отсутствие памяти исторической, культурной, семейной, личной — это и есть варварство. Да, нам повезло. Вы живете в Одессе, я живу в Праге и в Лондоне, и это города, культурные территории, культурные пространства, много о чем говорящие. Главное — вслушаться. Иван! Иван! Не забывая родства!

УРОКИ МУЗЫКИ

Вроде бы ничем не отличались.

Нет, вру: еврейских детей

учили на аккордеоне,

а нееврейских — на баяне.

Скажем, в культпросвет

еврейские не шли — там был

только баян. Нет, вру:

случались и музыкальные выкrestы.

Надо сказать, в грязь не ударили.

Но всё же почему-то баян считался простецким.

А аккордеон — вульгарным, т. е. тоже простецким,

но в латинском смысле.

Да, мои-то, Галина Ивановна

и Яков Израилевич,

нашли компромисс:

пристроили по классу фортепиано.

Интервью провел Евгений ДЕМЕНОК.

Василь МАХНО, Нью-Йорк Авторизованный перевод с украинского Александра ХИНТА, Одесса Сэнди - 2012

Нью-Йорк не Венеция: мы уходим под воду по стриту идёт Атлантика победным парадом легионером из Рима — высвечена маяками минута — и в телефоне закончится батарея минута — и нас унесёт ко всем морякам и ликующим гипербореям

успеть бы ещё завести "Тойоту" Атлантика это исчадие ветра из горла койота волна океана вползает на остров — бездонно тело его обвивает — и заполняет до края мир что мы строили из стекла и бетона до атома размывается

мимо сплавляются трупы енотов матрасы вода проникает всюду сквозь оболочку пластмассы

заряд электричества скачет бешеной белкой по проводам пытаюсь поймать нарастающий гомон моторы и вопли спасателей — и обрывается ветка молнии — снова и снова

я знаю что должен терпеть и удерживать руку Софии с Кристиной — вести их туда где сухо куда поток прорубает новые русла я им говорю: мы не будем тонуть словно остров садимся верхом на волну и поём на три голоса София: мы взяли любимую соду?

будем же петь — встанем лицом к океану откуда доносится тухлый запах метана и он довершая библейские речи уймётся жилеты ремонтники как саранна железная

выносит вещи из дома — и просто исследует смерть и урагана поэтику

я знаю что холод удержит дитя за ладонь стены и старость проломлены в старческом доме Нью-Йорк обесточенный — будто метро без рельсов так что же вода вобрала — и что иссушилось слова для которых больше нет батареек? или наша прибрежная жизнь?

на этой лодке — нас затопило по ноздри дни эти лёгкие — словно бензин в бензовозе стены фанера а мы-то думали: камень это потоп из гайморовых пазух это биение из глубины миокарда как смерть приходящая сразу

Юлия ЦЫМБАЛ Запах Шри-Ланки

— Эй, май френд! — надрылся темнокожий рыбак, трясая у решетки, отгораживающей отель от пляжа, огромным осьминогом. Он колотил руками, свистел и знаками пытался привлечь наше внимание. Сильный шум прибоа заглушал его звуки.

Лениво потянувшись, я заложила цветок гибискуса за ухо и вышла из номера на лужайку. Сев в просторное кресло, вдохнула яркий неповторимый запах острова. Смесь цветочного, кокосового и океанического ароматов создавала изумительное благоухание. Я пыталась понять, что же добавлено в палитру воздуха.

— Октопус, октопус, — выходил из себя туземец.

Наконец-то я заметила его, хотя он стоял всего в пятидесяти метрах от меня. Замечталась.

Я подошла.

— Только гриль, — спрашивал он на английском языке, — или проварить?

— Только гриль, — подтвердил подошедший муж, который закончил купание в океане.

— А что скажет "биг босс"? — спросил держащий осьминога, косясь на подходящего к нам Алексея.

— Грилировать, — сказал свое веское слово "большой босс".

Октопус оказался страшно жестким. Видимо, долго пожил на этом свете.

Я, мой муж и наш друг Алексей, которого туземцы сразу же прозвали здесь большим боссом из-за его выступающего животика, как у буддийского божка, приносящего богатство, приехали отдыхать на остров Шри-Ланка.

После ночи в автобусе, двух пятичасовых перелетов на самолетах и девятичасового переезда на микроавтобусе из столицы на юг острова не осталось сил.

— Здесь должно быть так хорошо, — мечтала я, — чтобы мы забыли о тяжелой дороге, которая измотала всех.

Верилось в это с трудом. И вот, наконец, мы выходим на террасу отеля. Влажный ароматный воздух окутывает измученные тела, темнокожий официант подносит три стакана с соком манго, девушка в сари с улыбкой приветствует нас, как важных гостей.

Все напряжение в один миг слетает с душ и лиц. Мы еще пытаемся суесть, обустроить, как волна блаженства, шум океана, яркие цветы и приветливые лица вокруг погружают в негу и покой. И мы понимаем: это — Рай.

— Чииз? — спрашивает хорошенький молоденький повар в белоснежном колпаке, жарящий омлет.

Я послушно улыбаюсь, как будто меня фотграфируют, и подтверждаю:

— Сыр!

Получив свою порцию омлета, бегу к столу с нарезанной розовой ароматной папайей, накладываю на уже ломающуюся тарелку ананасы и маленький банан. В этой стране только маленькие бананы. Зеленые, желтые и восхитительно вкусные красные. С прекрасным запахом.

На ужине в ресторане я тихонько наблюдаю, как наши соотечественники и другие европейцы, приехавшие сюда, наворачивают себе огромные полные тарелки кушаний, в изобилии предложенные здесь. Нужно заметить, что и наша троичка не отставала в этом вопросе. Попробовать хотелось всего. По ложечке, по пол-ложечки. Как ни крути, получалась гора, вернее, три горы: еда, острая ланкийская еда и десерт.

— Мадам, попробуйте морепродукты на гриле, — предлагал, улыбаясь во весь рот, темнокожий официант Шанта, — а еще кебаб из говядины.

Как ни странно все это великолепие исчезало в наших желудках, не вызывая неприятных последствий. Мы удивлялись и ели, ели, ели...

Наутро нас ждало еще одно прекрасное открытие — кокосы. Работник отеля Викки ловко взобрался на пальму прямо перед апартаментами и сорвал три желтых молодых кокосовых ореха.

— Коко нат, — предложил он.

Схватив огромный мачете, он миготнул верхушки орехов, проделал в них дырочки, и, вставив трубочки, мы пили прозрачную сладковатую жидкость, определяя, нравятся ли это нам. Назавтра я уже просила кокосовое молоко три раза в день.

Небольшой городок, в который мы отправились через два дня, встретил нас жарой, множеством лавок и маленьких магазинчиков, колоритным базаром с тропическими фруктами: папайей, манго, бананами, ананасами, гуавой, дурианом, соусом — и множеством пряностей, издававших восхитительную смесь запахов.

Маленький мотороллер на трех колесиках, называемый "тук-тук", бодро мчал нас по дороге с левосторонним движением, обгоняя встречный транспорт. Немного диковато смотреть, как на тебя в лоб несутся автомобили. Но прохладный ветерок и необычные виды вокруг позволяли забыть об этом.

Итак, некоторые составляющие аромата Шри-Ланки нам известны. Это запах цветов, специй, папайи, маленьких бананов и кокосовых орехов, но что же еще составляет амбре, которое разлито повсюду? Наверное, это запах чая.

Шри-Ланка, бывшая английская колония остров Цейлон. Здесь массово выращивали чай. Традиция и чайные плантации сохранились по сей день.

Чайная фабрика встретила нас прохладой и спокойствием. Маленькие сухопарые женщины быстро работали, переносили, сортируя и запаковывая подсушенные чайные листья. Белый элитный чай, кусты травы лемонграсс, коричневое дерево, перец — картинки сменяли одна другую. Экскурсовод обстоятельно рассказывал о тонкостях производства. Потом провели чайную церемонию.

— Дороговато, а что делать, — вздыхал Алексей, — чай "сепалика" — один из лучших в мире, ну как не взять его родственникам?

С полными кулками чая мы выдвинулись в ботанический сад. Хитрые продавцы долго рассказывали нам о чудодейственных свойствах лечебных масел и продавали их по жутко завышенным ценам. Мы, почуяв подвох, ничего не купили.

Шри-Ланка очаровывает, благоухает, привлекает, но все хотят что-то продать, навязать, всучить, похвастаться. Да, да, именно похвастаться. Рыбаки, которые промыслили около нашего отеля каждый день, вылавливая что-нибудь новенькое, кричали, хвалились, собирали вокруг себя толпы туристов с фотоаппаратами. Они успокаивались только тогда, когда народ, вдоволь насмотревшись, пощелкав камерами и похвалив их, расходился.

— Лешя, — зывал менеджер отеля по экскурсиям Сильва, — поехать на сафари!

На сафари не хотелось. Мало того, что дорого, так, по отзывам тех, кто там был, это не сафари, а просто национальный парк, где ходят слоны и леопарды, а также черепаховая ферма.

На другой стороне залива мы нашли еще один рыбный ресторан — с говорящим названием "Лобстер". Шевелящаяся громадина, поводя усами и осыпая с лап песок, предстала перед нашими взорами.

— Я думал, у него мясо помягче, — сказал, ковыряя в зубах, мой муж после поедания "громадины".

Я тихо млела от наслаждения. Ко всем замечательным запахам Шри-Ланки присоединился запах жареного лангуста, гармонично вписавшегося в веселый праздник, который устроил нам благодатный остров. Говорят, что, пробуя новую пищу, можно загадывать желание. Запивая обед соком зеленого кокоса и поедая его нежную мякоть, я подумала, что еще никогда не загадывала столько новых желаний, и чувствовала, что все они непременно сбудутся.

Утром, когда мы открывали дверь, рев океана врвался в комнату. На лужайке белели нежные пушки опавших цветов. Нахальные бурундуки шныряли около номера в поисках чего-то съестного. Хотелось петь и любить. Любить непрестанно, непрерывно, как в первый раз, как будто не было прожитых вместе лет, радости и разочарований. Так вот, как бывает в Раю.

Иногда казалось, что мы давно умерли и просто вместе за какие-то заслуги попали сюда.

— Здесь можно жить долго, долго и, наверное, не надоест, — мечталось мне.

— Главное — не проспать завтрак, — шутил Алексей и добавлял серьезно:

— Хотелось бы умереть в таком месте, не жалко.

Алексеевы страсти были темнокожими, стройными и точеными. Все хотели прикоснуться к "большому белому человеку". Мы с любопытством наблюдали, как они заходят к нашему другу в номер.

— Яички у них маленькие, — открывал секреты Алексей, — как голубиные.

— А член? — хором спросили мы с мужем.

— Там все нормально, — уходил от темы он.

Оказалось, что запах кожи ланкийцев тоже прибавляет ингредиент в общий колорит душистых волн острова.

Лавка с изделиями из дерева, в которую мы попали, забываясь о сувенирах, пахла благовониями, кокосами и разными сортами деревьев. Хозяин — невысокого роста, с интеллигентной внешностью — кроме дерева занимался драгоценными камнями, которые в изобилии добывают на этой земле.

Его жена с малышом на руках важно торговалась, не понимая и трети того, что мы говорили ей. Но умение торговаться у местных жителей в крови. Все показывают книги с отзывами наших соотечественников. Алексей смеялся, показав отзыв людей из Запорожья, которые, тепло отзываясь о магазинчике, заметили, что торговались они здесь "всего лишь" 30 минут.

— Ничего себе, наверное, мы управимся быстрее.

Мы вели торг два часа.

Хозяину, конечно же, понравился наш "биг босс". Он приволок большого лакированного божка с большим животиком и сфотографировал его с Алексеем, при этом не забывая вести торг. Мы несколько раз били по рукам и издавали победные крики, но, пересчитав все, понимали, что взяли с нас непомерно много.

Большой деревянный Будда Гаутама, символ буддистской веры, очень почитаемый в Шри-Ланке, философски спокойно смотрел

на наши прения. Хозяин рассказал, что, когда в 1994 году здесь случилось цунами, то смело все, только огромные статуи Будды и гигантские ступы, символы буддизма, нерушимо остались стоять на своих местах. Зона цунами была показана табличками. Предупреждение гласило: "В случае цунами поднимитесь наверх или бегите в глубь острова". Я думаю, что спастись удалось очень немногим, об этом свидетельствуют многочисленные маленькие неогороженные кладбища вокруг отелей.

Здесь не бывает зим, только сплошное лето, не бывает коротких дней и длинных ночей. 12 часов — день, 12 — ночь. И при этом никакой статичности. Мы попали в страну, когда был "мягкий сезон". Бывает более жарко, ветра, ураганы.

— Хелло, мадам, посмотрите ракушки?

Пожилой туземец с тяжелой сумкой, набитой дарами моря, мягко прошагал мимо меня. Он приветливо помахал мне рукой, как будто мы были знакомы уже давно, хотя я так ничего и не купила у него. Я потянула носом воздух и поняла, что у океана запах не такой, как у моря, хотя бы потому, что большие волны прибоа выбрасывают множество водной пыли, пахнущей рыбой, моллюсками, морскими ежами и гигантскими креветками.

Поздно вечером мы с мужем, прогуливаясь, зашли в отель на побережье, манящий яркими огнями. Оттуда доносилась громкая музыка. Прямо на песке сидела компания темнокожих мужчин, курящих что-то резко пахнущее.

За заграждением стояло много столиков, на сцене выступала местная музыкальная группа. Люди суетились у стола, где получали картонную тарелочку с каким-то местным кушаньем. Я оглянулась вокруг и увидела, что на этой дискотеке присутствуют только местные мужчины! Стало неуютно, и мы стали искать глазами выход. Но тут подбежал официант, и мы заказали ему два пива. Работник ресторана подошел к столику, расположенному в глубине, смахнул рукой на землю чью-то еду, разогнал сидящих за ним.

— Пожалуйста, садитесь, — дружелюбно предложил он.

Те, кто раньше сидел за столом, нисколько не обиделись, пересели за другой стол и продолжали беседу, искоса поглядывая на нас.

— Вот так радушие у местных жителей, — подумала я.

Пиво принесли слишком крепкое и невкусное, а к нему — сильно пахнущие пряностями острые шарики, вероятно — из гороха, которые сильно обжигали рот, горло и желудок.

Вдоволь насмотревшись на колорит ночного отдыха местных жителей и вдохнув незнакомые запахи, мы побрели по ночному заливу в отель.

Но всему хорошему, когда-то наступает конец. Пришла пора улетать с волшебного острова.

В аэропорту я обратила внимание на группу наших граждан, с которыми мы вместе прилетели в эту страну. У всех облезала кожа на ушах. Именно на ушах, которые никто не догадался помазать кремом от палящего, яркого ланкийского солнца. Свообразный привет Родине, где нас ожидали украинский февраль и 20-градусный мороз.

Серьезный таможенник долго вглядывался в наши уставшие, загоревшие лица, наконец, как будто узнав, впустил нас в страну. Мы уселись в зале ожидания, отдыхая после долгой дороги. Вдруг я почувствовала, что пахну как-то по-другому, совсем не так, как раньше. Я стала нюхать свои руки, обернулась к мужу, прибилизала нос к его лицу и поняла. Я все поняла. Мы увезли оттуда частицу запаха, который так пленил нас. Мы стали пахнуть Шри-Ланкой.

Лада ПРОКОПОВИЧ

Сказки для детей и взрослых

ЗВЁЗДНЫЕ СКАЗКИ ОДЕССКИХ ПЕСЧАНИКОВ

Тёплая, нежная волна мягко накатилась на камень-окатыш, в очертаниях которого угадывались две фигурки — матери и ребёнка. Ребёнок прильнул к маме, обнял её и попросил:

— Мам, расскажи сказку.

— А что, уже вечер? — спросила мама, удивлённо скосив глаза на ближайший топчан, который отбрасывал длинную тень.

"Надо же, как быстро день пролетел, — растерянно подумала мама. — А ведь всего-то и успела, что водоросли постирать да песок перебрать. А ещё ужин готовить..."

— Мам, так ты расскажешь сказку?

— Да, да, сынок...

"А что же приготовить?... Холодец из медуз? Нет, вчера был. Мидий в панцирях? Так их с утра надо было собрать, чтоб на солнышке подвялились. Креветку, фаршированную арбузом? Тоже отпадает: пляжников сегодня было мало, арбуз никто не ел..."

— Мама! Ты же обещала!

— Прости, сынок, задумалась.

Мама улыбнулась, погладила сына по голове.

— Какую же сказку тебе рассказать?

— Новую.

— Да где ж я тебе возьму новую? — изумилась мама.

— Придумай.

— Ты полагаешь, это так просто?

— А что тут сложного? Сидишь и говоришь: "В некотором царстве, в далёком государстве жили-были..."

Сын запылился.

— Кто жили-были? — усмехнувшись, спросила мама.

— Не знаю, — пропытел, наморщив лобик, сын.

— Эх, ты, сказочник! — рассмеялась мама. — Вот, смотри, камень лежит, загорает. На кого он похож?

Малыш присмотрелся. Задумался.

— На горностая!

— Хорошо, — похвалила мама. — А вон тот, большой?

— На медведя.

— Отлично. Вот и давай сочиним про них сказку...

— Я сильно извиняюсь, — перебил маму большой камень, — но позвольте уточнить: я похож не просто на медведя, а на белого медведя. Мне все об этом говорят.

— Конечно, конечно, — быстро согласилась мама. — А вы не будете возражать, если мы придумаем про вас сказку? Ну, то есть... используем ваш образ...

— Та ради бога, мадам! — с приятным черноморским акцентом воскликнул камень-медведь. — Жарьте! А мы послушаем. Эй, Горностаич, ходь сюды. Тута сказку про нас баять будут.

Мама подождала, пока камень-горностай подкрадётся поближе, набрала в поры возду-

ха, чтобы произнести вступительное "жили-были...", как вдруг за спиной услышала топот и отчаянный, с придыханием, крик:

— Погодите! Не начинайте!

Все посмотрели в сторону крика и увидели, что к ним бегут (если это можно так назвать) два камня-бегемота: камень-бегемотиха и камень-бегемотик.

— Не торопитесь, я подожду! — участливо крикнула мама. — Без вас не начнём.

Дождавшись, когда камни-бегемоты до них доберутся, мама добавила:

— Тем более что вас я тоже намерена вписать в мою сказку.

Маленький бегемотик смущённо зарумянился, а бегемотиха, с трудом переводя дыхание, воскликнула:

— Вот спасибо! Войти в сказку нашей местной Шехерезады — это... это... даже не знаю, что! Вот, вам, кстати, гостинчик. Пирожки с банановой начинкой. В качестве гонора, так сказать. Нет, ну надо же! Каменюка-Венерка лопнет от зависти!

— А она к нам не присоединится? — поинтересовалась мама.

— Та не! У неё там... дела амурные.

— Понятно, — вздохнула мама. — Ну что ж, впишем её в другую сказку. А сейчас обойдёмся наличным составом. Итак, жили-были...

Жили-были Маленький Бегемотик и его мама Бегемотиха. Правда, маленьким Бегемотик выглядел только рядом со своей мамой. На самом же деле это был уже почти взрослый парень, который ходил в школу. В пятый "А" класс. Из школьных предметов ему больше всего нравилась астрономия. Он так увлёкся этой наукой, что упрямил маму купить телескоп, а папа прислал ему из командировки роскошный астрономический атлас.

По ночам Бегемотик мог часами любоваться звёздным небом, наблюдая его в телескоп или просто задремывая голову, а днём внимательно изучал атлас, выискивая в нём очертания новых созвездий.

И всё бы хорошо, да только оказалось, что Бегемотик — парень не только любознательный, но и творческий. А в творчестве своём — слышим уж независимый, если не сказать — безбашенный. Во всяком случае, так считал его учитель — Горностай Песчаникович.

Это он, Горностай Песчаникович, ворвался однажды в кабинет директора — Белого Медведя — со словами:

— Этот ученик — мелкий сумасброд! Это ж надо было до такого додуматься! Кем он себя возмнил?! Да как у него...

— Пойдите, коллега, — прервал учителя директор. — Успокойтесь. И объясните толком: что стряслось?

Но Горностаю Песчаниковичу трудно было

сразу так взять и успокоиться. Его переполняли смешанные чувства: любовь к талантливому ученику и досада на его непредсказуемые выходки.

— Своенравен, шельмец! — бушевал учитель, размахивая перед носом директора тонкой ученической тетрадкой. — Ох, своенравен!

— Ну, зачем же так резко? — улыбнулся директор, отстраняя от лица тетрадку. — Да, мальчик он у нас непростой. Но когда он с каждой олимпиады по астрономии привозит очередную победу... Знаете, что говорят о нашей школе? Говорят, что будет неувиденно, если из её стен выйдет второй Николай Коперник. Или Джордано Бруно.

— Ага, — горько усмехнулся учитель, — говорят. И небось уже и костерок разводят.

Директор нахмурился.

— Не пойму я вас что-то, Горностай Песчаникович. Ведь в этом же и ваша заслуга. Мало кому дано раскрывать в детях научный талант. Поют, танцуют, бумбуксят сейчас все.

— Бум... что? — не понял учитель.

— Вот как серьёзно отстали вы от жизни, коллега, — назидательно заметил директор. — Бумбукс — это... Гм... как бы это объяснить?... В общем, как попугаи или скворцы воспроизводят разные звуки, так и бумбуксеры, пользуясь только своим голосовым аппаратом, воспроизводят... как бы музыку. То есть что-то типа "бум-бум, бум-бум"... Отсюда и название. Я так думаю. Сейчас это очень модно среди молодёжи. В общем, музыкальных талантов нынче море. Телевизор уже невозможно смотреть: как ни включишь, обязательно нарвёшься на какое-нибудь шоу, где юные дарования удовлетворяют амбиции своих родителей. А вы, дорогой мой Горностай Песчаникович, детей к науке привлекаете. Вы...

— Я, конечно, я, — покаянно опустил голову и тихо заговорил учитель. — Если в этом кто и виноват, то только я... — Да что ж вы из крайности-то в крайность?! — всплеснул директор. — Так, вы медленно, сию же минуту говорите мне, что случилось, или идите вы... пить валерьянку! Учитель, не найдя в себе сил уже что-либо говорить, молча шлёпнул ученическую тетрадку на директорский стол.

Директор взял её, раскрыл. И стал зачитывать вслух подчеркнутые красными чернилами строки:

— Созвездия Большого и Малого Бегемотов являются одними из...

Директор прервал чтение. Озадаченно кашлянул в кулак.

— Пойдите, — сказал он, — а что это за созвездия Большого и Малого Бегемотов?

— Это он так назвал Большую и Малую Медведицу, — охотно пояснил учитель.

Директор посмотрел на держащего в руке листок, ещё раз взглянул на каракули в тетрадке и... расхохотался. Расхохотался так, что сте-

ны его кабинета задрожали, а стёкла в окнах и шкафах задребезжали.

— Я всегда говорил, что чем тише и очкастее ученик, тем больше с ним надо быть на чеку! — заметил директор сквозь смех. — Не пойму только, почему вы так близко к сердцу принимаете эту выходку? Ну, похулиганил мальчишка. Дал своё название созвездию. Самому ж созвездию хуже от этого не стало: звёзды с траекторий своих не сошли, не потухли, не взорвались... Подумаешь, Большой и Малый Бегемоты. Вам-то что?

— Мне? — переспросил Горностай Песчаникович таким тоном, словно только сейчас осознал, что и в самом деле устроил бурю в стакане воды. — Да, в общем-то, ничего. Если не считать, что я в его возрасте дал этим созвездиям другое название.

— И какое же? — полюбопытствовал директор.

— Большой и Малый Горностай, — ответил учитель.

Директору стоило огромного труда вновь не расхохотаться. Но он собрался с духом и спокойной, уважительно даже, произнёс:

— Вот видите, какого достойного себе ученика вы воспитали.

Учитель, не найдя, что на это возразить, взял со стола тетрадь и направился к выходу.

— Да, — сказал ему вслед директор, — и не забудьте, что на всю следующую неделю я должен вам пропуск в университетскую обсерваторию. Вам и вашему... Малому Бегемоту.

Горностай Песчаникович вышел из кабинета директора, когда школу уже окутала бархатная южная ночь. Он посмотрел на небо, и первое, что увидел, — созвездия Большой и Малой Медведицы.

Да, как ни странно, звёзды этих созвездий были по-прежнему на своих местах. Только... только сверкать они стали чуточку ярче.

Или учителю это показалось?..

Мама умолкла. Она не любила заканчивать сказки традиционными "вот и сказочке конец, а кто слушал — молодец" или, того хуже, "жили они долго и счастливо". Мама предпочитала заканчивать сказки вопросом. Или многоточием.

Вот и сейчас из-за того, что слушатели не сразу поняли, что уже конец, после многоточия наступила тишина.

И на фоне этой тишины особенно отчётливо прозвучали слова её сына:

— Совсем как у нас.

— Что как у нас? — насторожилась мама.

— Звёзды сегодня сверкают ярче, — пояснил сын.

Мама и все герои её сегодняшней сказки подняли головы. И первое, что увидели, — созвездия Большой и Малой Медведицы.

Или всё-таки Большого и Малого Бегемотов? Или Большого и Малого Горностаев? Или...

СКАЗКА НА НОЧЬ

— Сегодня будем читать про Русалку, — решительно сказал Паша маме, деловито водя пальцем по оглавлению книги.

— Про Русалку, так про Русалку. Страница двадцать шесть, — сказала мама и раскрыла книгу на нужной странице.

Паша сел поближе и приготовился слушать.

Но мама медлила. Во-первых, болело горло, а во-вторых... Во-вторых, она опасалась, что чтение этой сказки опять закончится слезами. Два дня назад до её сына дошёл смысл этой истории, и теперь он никак не может смириться с её концом. Каждый раз он плачет, когда мама читает, как Русалочка превратилась в морскую пену, а на следующий день снова требует эту сказку, надеясь, вероятно, что на этот раз конец будет другим. Но конец всегда один и тот же.

И сегодня Русалочка опять превратилась в пену.

— Мне её жалко, — сдавленным голосом произнёс Паша.

В его покрасневших глазах уже стояли слёзы, готовые вот-вот брызнуть фонтаном. Вернее, двумя фонтанами. И не метафорически, а вполне реальными, буквальными фонтанами. Вот уже четыре года мама наблюдает это природное явление и не перестаёт удивляться.

— Мне тоже жаль Русалочку, — отозвалась мама, в глубине души всё же радуясь, что её сын оказался способным на настоящее, неподдельное сопереживание. — Всем, кто читает эту сказку, всем и всегда жалко Русалочку.

— Почему она превратилась в пену?

— Потому что принц на ней так и не женился.

— А почему он на ней не женился?

— Потому что он думал, что обязан жениться на принцессе, которая его спасла. Он же не знал, что на самом деле его спасла Русалочка. А сама Русалочка ему об этом сказать не могла, ведь у неё не было голоса...

Мама говорила и говорила, надеясь как-то заговорить его, успокоить потоком слов, которые она старалась произносить мягко, певуче. Но на Пашу это не действовало. Он отчаянно разрыдался и, уткнувшись в подушку, повторил:

— Мне её жалко.

И тут мама поняла, что за эти два дня её сын вырос из того возраста, когда его можно было ублажать чем-то бессмысленным, но мелодичным. Теперь он вникал в суть. Требовал объяснений, восстанавливал против несправедливости. Восстанавливал силой своей детской души. Детской, но уже не маленькой. Далеко не маленькой. Маленькая душонка никогда бы не заплакала от жалости к Русалочке, погибшей от неразделённой любви.

— Но она потом оживёт?

У мамы не хватило сил сказать "нет".

— Не знаю, — сказала она, отводя глаза в сторону.

Пашу этот ответ не успокоил. Его по-прежнему душили слёзы. И не столько слёзы, сколько, очевидно, то, что он ещё не умеет высказать всё, что так болит и тревожит. Мама, конечно, понимает его и без слов, но...

— Но что поделаешь, зайка, — говорит она, — такая сказка. Такой её придумал Андерсен. Ганс Христиан. Он решил, что не все сказки должны быть с хорошим концом.

Маме ещё хотелось добавить, что это

тоже ещё вопрос: какой конец считать хорошим, а какой — плохим. Кто знает, что стало бы с Русалочкой, выйди она замуж за принца?.. Может, уже через полгода прибежала бы опять к ведьме и умоляла бы: "Преврати меня хоть в пену морскую, хоть в тину болотную, только избавь от этой жизни семейной! От принца-бабника, от родни его многочисленной и на редкость скандальной..." И ещё неизвестно, что ей на это ответит ведьма. Или цену заломит такую, что никакого полцарства не хватит, или вообще скажет: "Извини, дорожка, но развод не предусмотрен контрактом". Что тогда делать? Кому плакаться? К кому обращаться за помощью? К юристам-пираньям? К придворным-пиявкам?.. Или к папе, царю морскому? Но он сразу сказал: "Поменяешь хвост на ноги — отрекусь". Кому ты теперь нужна со своими проблемами?!

А так... пена морская. Булькой себе безмятежно, покачиваясь спокойно на волнах... Слушай крик чаек, любуйся южным солнышком... Набегай с волной на берег и перекачивай разноцветные камешки...

— Это неправильно, — донёсся сквозь шум прибора голос Паши.

— Что неправильно? — не поняла его мама, мысленно всё ещё перекачивающая разноцветные камешки.

— Неправильно, что она стала пеной.

— Да, но... я же тебе объясняю, — проговорила мама, медленно выходя из задумчивости, — не все сказки заканчиваются хорошо.

Не зная, что ещё добавить, она погладила сына по спине, ощущая под мягкой тканью пиками каждый его позвонок.

Паша потёрся щекой о её плечо и, будто всё уже окончательно решил, сказал:

— Она опять станет Русалкой.

— Да каким же образом? — растерялась мама.

— Ведьма ей поможет. Она её пожалеет. Вот! Вот он, спасательный круг. Мама вцепилась в него двумя руками.

— Отличная идея, — воодушевлённо заговорила она. — Вот вырастешь — и придумаешь своё продолжение этой сказки. Думаю, Андерсен, Ганс Христиан, не обидится.

— Какое продолжение?

— Ты же сам сказал: ведьма её пожалеет и опять превратит в Русалочку.

Паша перестал шмыгать носом и задумался.

— Ещё ей друзья должны помочь, — сказал он, вытирая со щёк остатки слёз.

— Какие друзья? — озадачилась мама, читавшая разные варианты этой сказки, но не припоминающая, чтобы у Русалочки было особенно много друзей.

Но Паша над этим не задумывался. Он уже успел усвоить, что у человека должны быть друзья. Должны быть. Это аксиома.

— Разные друзья, — пояснил он маме. — Другие русалки, дельфины, киты...

— Точно, — подхватила мама, явно увлекающаяся идеей. — Они расскажут принцу, что это она, а не та принцесса, самозванка, его спасла.

— И он на ней женится.

— Да, — кивнула мама. — И они будут жить долго и счастливо.

— А ведьма будет приходить к ним гости... — ...пить чай с песочным печеньем и рассказывать их детям сказки.

Такое развитие событий Пашу вполне устраивало. Слёзы высохли, глаза прояснились, и на губах заиграла улыбка.

— Теперь спи давай, — сказала мама, укрывая его одеялом и целуя в щёчку. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мама.

